

АРТЕФАКТ

&

ДЕТЕКТИВ

Когда-то Мессалина обладала
лунным гребнем, дарующим
вседозволенность, и золотой
химерой, напоминающей
об осторожности.
Но она утратила их и вскоре
погибла... Если в наши дни
новое воплощение
знаменитой блудницы вернет
артефакты, она установит над
вселенной свои законы.
И мир поглотит тьма...

Мария СПАССКАЯ

Черная луна Мессалины

Артефакт & Детектив

Мария Спасская

Черная луна Мессалины

«ЭКСМО»

2015

Спасская М.

Черная луна Мессалины / М. Спасская — «Эксмо»,
2015 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-79718-9

Не слишком приятно узнать, что тобой манипулируют! Оказывается, не за красивые глаза я получила место арт-директора ночного клуба! И американская дива появилась в нашем клубе с шоу «Мессалина» неслучайно. Она узнала об исторических атрибутах своей героини – лунном гребне и золотой химере – и загорелась идеей заполучить артефакты в полное распоряжение. По легенде, серебряный гребень и золотая подвеска первоначально принадлежали Лилит, первой жене Адама, и обладали магическими свойствами. Прошли тысячелетия, волею судеб лунный гребень и химера оказались в Москве: гребень в музее, а золотая подвеска – на шее влиятельного бизнесмена. И вот охота за артефактами началась. Безумие набирало обороты, все глубже и глубже увлекая меня в пучину кошмара...

ISBN 978-5-699-79718-9

© Спасская М., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	37
-----------------------------------	----

Мария Спасская

Черная луна Мессалины

© Спасская М., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Москва, 199... год

Ну, дорогие мои, чем народ удивлять будем? Новый год все-таки...

Константин окинул задумчивым взглядом несколько столиков, за которыми расселись сотрудники ночного клуба, и подбросил мне в бокал с минералкой кубик льда.

– Жарко здесь, Леночка, ты не находишь? Это от софитов.

Я согласно кивнула и взяла под столом его руку, многообещающе улыбнувшись.

– Давид, да выключи ты эти лампы, зря только электричество нагорает! – прикрикнул Константин.

Диджей поморщился, нехотя поднялся с низкого дивана и лениво направился к распределительному щитку.

– А побыстрее нельзя? – В голосе Кости сталью прозвучали командные нотки. – Дышать нечем. Да, Ленусь?

Я снова кивнула, преисполненная сознания собственной важности. Приятно, когда о тебе так заботятся. После неудачного замужества, к тридцати шести годам, наконец-то я нашла того, кого искала. Мама до сих пор отказывается верить, что у нас все серьезно. Но Константин каждый день доказывает обратное.

Познакомились мы необычно. Дождливым осенним вечером я возвращалась домой с завода «Хроматрон», где тянула унылую лямку бухгалтера, и, стоя в пробке на Щелковском шоссе, получила мощный удар в задний бампер. Я чуть не умерла на месте. Сколько я на свою зеленую «пятерку» горбатилась! Как долго выбирала в Южном порту! Скрипя от злости зубами, я выбралась из машины и нос к носу столкнулась с подбившим меня господином. Я ожидала всего, чего угодно – крика, ругани, угроз, но только не того, что мне довелось увидеть. Виновник аварии не был одет по последней бандитской моде в спортивный костюм с лампасами, якорную цепь и фирменные кроссовки. Не было на нем и малинового клубного пиджака с золотыми пуговицами, похожими на ордена загадочных держав.

Узкое лицо с эстетской бородкой и чуть подернутые сединой рыжеватые виски выгодно оттеняла водолазка из тонкой шерсти. Классические брюки оказались именно такой длины, чтобы свободно лежать на элегантных дорогих ботинках. А в прозрачных серых глазах я прочитала не наглый вызов, а искреннее раскаяние. У него была хорошая иномарка, пострадавшая, конечно же, гораздо меньше моих выдавших виды «Жигулей». Мужчина выглядел заметно огорченным и сразу же признал свою вину, вызвавшись отремонтировать машину за свой счет.

Так я познакомилась с Костей. В качестве компенсации новый знакомый пригласил меня в свой клуб. Лиловая вывеска «Эротика» не привлекала внимания с улицы, но, судя по обилию публики, популярность заведения была огромна. Я вошла внутрь и обомлела. В моей голове, голове самой обычной бухгалтерши, не укладывалось, что подобное заведение может функционировать в центре Москвы. Децибелы грохочущей музыки зашкаливали. Зал из стекла и бетона поражал воображение обилием зеркал и отражающихся в них огней. Практически обнаженные красавицы извивались у хромированных шестов, установленных на белоснежном подиуме с красной подсветкой. Под потолком шары-стробоскопы, медленно вращаясь, отбрасывали радужные лучи в переполненный людьми зал.

Гости клуба вольготно чувствовали себя на уютных плюшевых диванах, поставленных буквой «П» вокруг невысоких стеклянных столиков, которые грациозно обслуживали официантки, не уступающие в экстерьере стриптизершам. Голые груди их свободно покачивались над подносами с заказанной выпивкой и закусками, длинные ноги в туфлях на шпильках были затянuty в сетчатые чулки. Кроме чулок и туфель на девушках были только трусики, за резинку которых подгулявшие клиенты совали щедрые чаевые. Хозяин заведения провел меня в дальний угол зала за зеркальную загородку и усадил на плюшевый диван. Из нашего уютного уголка был как на ладони виден весь зал, зато нас с Костей никто не мог увидеть.

К концу вечера, узнав, что я пишу стихи, Константин предложил мне место арт-директора. В его глазах была такая тоска по женскому теплу, что я позволила себя проводить. И не пожалела. Конечно, рядом с владельцем «Эротики» огромное количество потрясающих девчонок, но Костя считает, что они слишком молоды и ни одна из них не понимает его по-настоящему. Я не могла не поздравить себя с победой. Мое умение молчать и слушать сделало свое дело. Могла ли я, скучая в бухгалтерии, еще два месяца назад предположить, что буду сидеть в роскошном стриптиз-клубе и решать животрепещущие вопросы праздничной программы на предстоящий Новый год?

– Кость, до Нового года как до луны, – усмехнулся, возвращаясь на место, Давид, не сводя с шефа нахального взгляда.

Держась независимо и дерзко, этот юный бунтарь с прической из спутанных дред всем своим видом показывал, что не Давид должен благодарить владельца одного из самых престижных клубов Москвы за то, что его взяли на работу, а Константин обязан ди-джею по гроб жизни, ибо тот снизошел до него.

– Делаю скидку на то, что ты новенький, – сухо перебил сотрудника Константин, глядя мое запястье, – и можешь не знать, что приличные заведения, дорожащие своей репутацией, начинают готовиться к Новому году еще в сентябре. Итак, господа, – повысил голос Костя, – повторяю вопрос: чем народ удивлять будем?

В стане стриптизерш возникло оживление. Мила склонила белокурую головку к Зое и что-то принялась нашептывать ей на ухо. Смуглая подруга белокурой бестии с вызовом рассматривала Костю, откровенно строя ему глазки. Третья девица по имени Ксю, сидевшая рядом с ними, тоже по мере сил и возможностей демонстрировала шефу свою красоту. Вытянув длиннющие ноги в зеленых лосинах, Ксю откинулась на спинку дивана и томно облизывала жирно покрашенные сиреневые губы. Переливаясь лаком с блестками, пальцы левой руки ее перебирали пластмассовые браслеты на запястье правой. Узкие браслеты-недельки из разноцветного яркого пластика мерно стучались друг о друга, издавая кегельный звук. Только Юлиана сидела спокойно, склонив пышиноволосую голову над раскрытой книгой. На мой взгляд, она была классом выше своих подруг, выделяясь среди вульгарных танцовщиц по-настоящему профессиональной подготовкой и утонченной внешностью. Пауза затягивалась. Предложений ни у кого не было.

– Что скажет арт-директор? – обернулся ко мне Костя.

– Может, пригласим Машу Распутину? – широко улыбнулась я. – Народ ее любит.

Серж иронично взглянул на Алекса, оба стриптизера переглянулись с девчонками, и под их залихватистый хохот Алекс манерно протянул:

– Скажи-и еще-е группу «Кар-мен»!

– Тогда уж лучше сразу устроить концерт классической музыки и позвать кого-нибудь из виртуозов, – с мягкой иронией проговорил Константин. – Хотя бы Романа Левина. Не сомневаюсь, Леноч, что твой дядя отменит гастроли где-нибудь в Ватикане и ради тебя согласится выступить в нашем стриптиз-клубе. Только вот отчего-то мне кажется, что клиенты ждут от нас другого.

– Можно позвать «Крейзи хорс», – срезал хозяина Давид, припомнив ему давешнее унижение, но Костя сумел красиво выйти из ситуации.

– Этих чертовок слишком много, – сокрушенно покачал головой мой друг. – Не влезут в наш милый уютный кабачок.

– А помните, – подала голос Юлиана, отрываясь от чтения, – американский фильм «Черная луна Мессалины»? Недавно смотрела по видику. Кино мне показалось вполне достойным. Может, поставим аналогичный номер?

– Да есть уже такое шоу, – откинулся на спинку дивана Серж. – Американка, сыгравшая главную роль, под псевдонимом мисс Секси Бум разъезжает с гастролями по миру. В том году я видел ее выступление в Мадриде. Ничего не скажешь, высший класс!

– Лучше самим сделать что-нибудь подобное, – Юлиана упрямо тряхнула каштановыми волосами.

– Чур, я Мессалина! – сверкнул подведенными глазами Алекс.

– А почему это ты? – перешел в наступление его приятель, заносчиво выпятив нижнюю челюсть. – Я исполняю стриптиз лучше тебя. Сам Виктюк звал меня к себе в труппу.

Алекс с неприязнью взглянул на Сержа и тоном обиженного ребенка протянул:

– Бла-бла-бла! Скажи еще, что Бари Каримович валялся у тебя в ногах, умоляя прикнудить к его дружному коллективу!

– Да нет, я серьезно, – прервала дискуссию Юлиана. – Сделаем все сами. Ангажировать Секси Бум нам явно не по средствам.

На внешне бесстрастном лице Константина заходили желваки. Сдавив запястье так, что его холеные ногти до боли впились мне в кожу, владелец «Эротики» вкрадчиво заметил:

– Дитя мое, у меня вполне хватит средств, чтобы заставить плясать голышом на этой самой сцене, – палец его описал эффектную дугу и указал на подиум, – Бориса Николаевича с женой и домочадцами.

Повернул ко мне улыбающееся лицо и проговорил:

– Леночка, будь добра, свяжись с импресарио и организуй нам американскую Мессалину!

– Сделаю, – смиренно откликнулась я. Мессалина так Мессалина. Начальству виднее.

– Ну что ж, решено! Этот Новый год мы встретим в обстановке Древнего Рима. Ленусь, позаботься о рекламе.

– Да, кстати, о рекламе, – встрепенулся ди-джей. – У меня есть креативные друзья-художники. За хорошие бабки они могли бы устроить грандиозный перформанс на Тверской улице...

– Как мы любим красивые слова, – насмешливо перебил Костик. – Перформанс, инсталляция... Знаешь, родной, чем отличается инсталляция от перформанса? Один неглупый человек на днях просветил. Вот нагадишь ты под дверь, позвонишь и убежишь. Хозяин откроет дверь, а тут – опа! Инсталляция! А когда звонишь в дверь, хозяин открывает, а ты – опа! – снимаешь штаны и гадишь, тогда – перформанс! Но и в том, и в другом случае получается совсем нехорошо. Так что не надо нам доморощенных художников, дружок. Леночка свяжется с рекламным агентством Лисовского, ребята смонтируют ролик, грамотно наложат на написанный профессионалами и озвученный хорошими артистами рекламный текст. Пустим по первому каналу в прайм-тайм – от желающих посетить «Эротику» отбоя не будет.

Константин поднялся с низкого диванчика и, хлопнув в ладоши, тоном маститого режиссера воскликнул:

– Ну что ж, друзья! Всем спасибо! Все свободны!

– А мы не будем участвовать? – насупилась Мила, исподлобья глядя на шефа.

– Это уж как американская звезда решит. – В голосе Кости явственно слышалось почти отеческое добродушие. – Понадобится подтанцовка – будете. Нет – отдыхайте. Закатитесь куда-нибудь на Мальдивы с толстосумом-папиком.

– Если только с тобой, Костенька, – игриво подмигнула Зоя.

– Хамишь, красивая! – погрозил ей Костик. – Смотри, не накличь! Мечты имеют свойство сбываться.

Польщенная девица победоносно взглянула на подруг. Те не обратили на словесную перепалку никакого внимания, в отличие от Сержа и Алекса, бросавших на Зою завистливые взгляды. Я подозреваю, что втайне каждый из них не прочь был завести интрижку с Костикум, но тот, к их большому огорчению, оказался не по этой части. Но парни надежды не теряют и время от времени предпринимают попытки обаять хозяина. Со стороны это выглядит забавно, но Костику, должно быть, не до смеха. Москва – город не такой большой, как кажется на первый взгляд, и малейшего повода хватит, чтобы в тусовке поползли нехорошие слухи.

Рим, I век

На Вечный город опустилась полуденная жара. Солнце воспаленным глазом повисло над храмом Юпитера Капитолийского. Со стороны форума на бульжники улиц легли короткие обезглавленные тени. Терпкий весенний аромат, источаемый римскими садами, витал в раскаленном воздухе. Нечеткие контуры строений плыли и плавилась от зноя, и мрамор дворцов и базилик казался кроваво-красным. Задыхаясь от жары, быстроногие нубийские рабы несли богатую лектику¹ эбенового дерева мимо шумной базарной толпы. Носильщики удалялись от Палатинского холма, держа направление на видимый из любой части города обелиск, установленный на длинной и узкой платформе в центре арены Великого Цирка. Долетавший из торговых рядов резкий запах специй заставлял их ноздри жадно трепетать, а звуки тамбуринов уличных музыкантов – поворачивать головы в поисках тонких фигурок плясуньи.

Оглядываясь по сторонам, нубийцы сбивались с шага, носилки теряли скорость, и тогда из-за расшитого золотом пурпурного полога нет-нет да и показывалась тонкая женская ручка, унизанная кольцами, и плетью заставляла невольников прибавить ходу. На расстоянии нескольких шагов за лектикой походкой легкой и уверенной следовала смуглая рабыня-гречанка, защищая юное личико от палящего солнца и нескромных взглядов накинутым на голову покрывалом. Вдали показались высокие ворота на полукруглом ограждении, через которые выезжали из Цирка победители на скачках.

По мере приближения к гигантскому овальному сооружению, раскинувшемуся на огромной территории Марсова поля, открывались новые детали постройки. На противоположном конце арены высились три башни, и в средней башне виднелись еще одни ворота, не такие большие и пышные, как ворота триумфаторов, ибо предназначались они для всех остальных. Между башнями располагался устроенный по правой и левой сторонам круглый ряд стойл для лошадей, к ним, обогнув заграждения, устремились нубийцы. Рев зрителей, доносившийся с трибун, не оставлял сомнений – сейчас проходит заезд колесницы Флавиуса Скорпа.

Этот красивый возница-раб слыл любимцем публики. Стоя в легкой двухколесной квадриге, прекрасный и стройный, он легонько натягивал поводья, и левая пристяжная изящно заходила на круг, оставляя далеко позади менее удачливых соперников. Золотые кудри его под гладкой кожаной шапочкой развевались на ветру, зеленая туника облегла тренированное тело, янтарные глаза горели неистовым огнем. Сам цезарь не пропускал ни одного заезда великолепного Скорпа, защищавшего цвета императора.

Поговаривали, что юный Флавий состоит с Гаем Цезарем Августом Германиком по прозвищу Калигула в интимной связи и испытывает к нему сильную привязанность, но это было не так. Возница хоть и предавался любовным утехам с императором, но страстью пылал вовсе не к нему, а к знатной патрицианке. Страстью тайной и темной, как черный омут, куда его все глубже и глубже затягивала эта связь. Хотя Калигула, в подражание глубоко

¹ Носилки, используемые в Греции, Риме и Азии для переноски людей.

чтимой богине Изиде², и сожительствовавал с родными сестрами, это не мешало императору свято чтить традиции, заведенные еще Тиберием, и строго блюсти нравственность своих вассалов. Даже последний раб в империи знал, что за любовную интрижку с замужней матроной нарушителю законности грозит смертная казнь.

Носилки остановились у конюшен с левой стороны. Из них показалась изящная женская фигура в белоснежной, богато украшенной шитьем хламиде, капюшон которой мягкими складками закрывал лицо. Дождавшись приотставшей рабыни, патрицианка проследовала в служебное помещение.

– Хлоя, оставайся у двери, – распорядилась госпожа, строго глянув на рабыню тонко подведенными серыми глазами. – Если захотят войти, дай мне знак.

И, распахнув дверь крохотной каморки так, что гречанку обдало крепким запахом мужского пота, шагнула в жарко натопленное помещение со словами:

– Боги даруют мне счастье снова видеть тебя, мой герой!

Радостный возглас Флавия Скорпа был ей ответом. Хлоя успела расслышать, как наездник, задыхаясь от страсти и восторга только что одержанной на манеже победы, выкрикнул:

– Лепида, радость моя! Как я ждал тебя! Как боялся, что ты не придешь!

Еще рабыня успела рассмотреть блесевшее от пота нагое тело юного наездника, в котором отражались языки пламени, раздутого на жертвенной треноге у статуи Аполлона, как две капли воды походившего на самого юного Скорпа. Затем дверь захлопнулась, и девушка, опустившись на корточки, чтобы дать отдых усталым ногам, стала терпеливо ждать, когда госпожа утолит свою страсть с молодым любовником. Скорп был красивый, но совсем не такой, как ее Исаак. Смуглотелый чернокудрый раб из иудеев приглянулся Хлое с того самого дня, когда она впервые его увидела.

Мальчиком-подростком привели иудея в дом к патрицию Мессале Барбату. Хлое тогда только-только исполнилось семь лет, и она состояла при господских покоях. И все эти годы гречанка смотрела на Исаака и видела, что он тоже светлеет лицом при взгляде на нее. Когда никто не видел, молодые люди перекидывались ласковыми словами, и Хлоя верила, что наступит день, когда она отважится сказать госпоже о своих чувствах к Исааку. Размышляя о будущем, гречанка тихо улыбалась, непроизвольно вздрагивая от возгласов, доносившихся из-за плотно притворенной двери.

До сего дня рабыня прислуживала молодой хозяйке, а госпожу Домицию Лепиду обычно сопровождала занемогшая финикийка Скамба. На этот раз взамен недужной старухи благородная госпожа взяла с собой Хлою, и та с тайным трепетом в душе внимала, сидя под делью, протяжным стонам хозяйки и разгоряченному мужскому рыку. За годы службы в доме сенатора от Хлои не укрылось, что матрона Лепида имела особый дар увлечь мужчину, который ей приглянулся. И каждого из них жена патриция Мессалы Барбата делала своим неизменным и верным поклонником. Не имея опыта общения с противоположным полом, рабыня из рассказов товарок знала, что мужчины – создания крайне непостоянные, и недоумевала, как получается у не слишком-то юной Лепиды ими повелевать?

Заметив в полутемном коридоре приближающуюся скрюченную фигуру, громыхавшую ведрами с водой, рабыня стукнула в дверь условным стуком. Вольноотпущенный сармат, некогда бывший не менее популярным наездником, чем юный Флавий Скорп, подвизался после травмы, сложившей пополам его высокую фигуру, в должности конюха при императорской конюшне. Припадая на одну ногу, сармат доковылял до Хлои, грохнул ведрами об пол и, грозно прищурившись, кивнул на дверь.

² Египетская богиня Изиды была сестрой и женой бога Осириса и родила от него Гору, считавшегося прародителем египетских царей.

– Некоторые думают, что указы цезаря писаны не для них, – со значением проговорил он. – Даже знатных господ за прелюбодеяние император карает смертной казнью. Жене сенатора Марка Валерия Мессалы Барбата не пристало таскаться по конюшням. Но за сотню сестерциев я готов закрыть глаза на шалости твоей хозяйки. Так и передай госпоже Лепиде! Слышишь, ты?

Подцепив скрюченным пальцем, пропахшим лошадиным навозом, Хлою за подбородок, горбун глянул ей в лицо и сально осклабился. Жесткие волосы, собранные на затылке в хвост, седой паклей свисали на давно небритое лицо, склонившееся к испуганному личику гречанки. Грязная повязка едва прикрывала бедра, практически оставляя открытым то, что ей полагось скрывать.

– А ты ничего, милашка, – хмыкнул горбун. – Не то что старуха, которая сидела тут до тебя. Не хочешь поразвлечься? Пойдем со мной! Не пожалеешь! Меня зовут Глутурин, нам будет хорошо!

Хлою обдало запахом стойла, лука и кислого вина. Она в ужасе отшатнулась и что было сил забарабанила в дверь каморки, за которой скрылась хозяйка.

– Ну ладно, ладно, – попятился сармат, снова подхватывая ведра. – Не шуми! И не забудь, скажи госпоже Домиции Лепиде, чтобы в следующий раз прихватила с собой золотые монеты! Иначе цезарь получит донос, в котором самым подробным образом будут описаны ее любовные похождения.

То и дело оглядываясь на Хлою и дружески подмигивая ей, конюх, переваливаясь на искалеченных ногах, проследовал в конюшню. Загребли ведра, и через некоторое время послышалось довольное фырканье пьющих лошадей, негромкий напев сармата и шуриание суконки о влажную конскую кожу. Вскоре дверь каморки Флавия приоткрылась, и в образовавшуюся щель выскользнула тонкая белая фигура хозяйки в низко надвинутом на лицо капюшоне. Кивнув Хлое, жена сенатора Мессалы торопливо устремилась по коридору к выходу, выскользнула на улицу и через минуту, обогнув овал стены, уже входила в здание Великого Цирка через общий вход.

Рабьяня, едва поспевая за госпожой, чуть слышным шепотом рассказывала о беседе с сарматом. На нижнем, каменном, этаже, в ложах для патрициев, матрона Лепида заметила дородную фигуру супруга, восседавшего рядом с их ближайшим родственником Клавдием, и устремилась к благородным мужам, не пропуская ни слова из рассказа рабыни. За время повествования выражение точеного лица патрицианки не изменилось. Лишь дослушав до конца, она, не оборачиваясь, спросила:

– Как имя конюха?

– Глутурин, – пролепетала Хлоя. – Он хотел меня обесчестить, – зачем-то добавила гречанка, как будто именно это могло усугубить вину сармата. Но хозяйка ее уже не слышала. Остановившись недалеко от скамьи супруга, Домиция Лепида словно о чем-то задумалась. На самом же деле внимательно прислушивалась к разговору двух почтенных матрон, сидевших рядом выше, на местах для всадников. Одна из сплетниц, Юлия Паламба, проживала с Лепидой по соседству и была женой военного трибуна пятого легиона Луция Гимения Стратоника.

– Да что там говорить! Лепида и сама большая развратница! Всем известно, что в ранней юности жена сенатора Мессалы возлегла со своим родным братом, а когда об этой связи стало известно, каким-то чудом сумела выкрутиться на суде. И дочь такую же растит, – возбужденно рассказывала подруге Юлия Паламба. – Вчера я видела, как Мессалина смотрит на моего мужа! Еще немного, и эта бесстыжая девчонка, одержимая похотью, набросится на Луция и совратит его прямо на улице!

Матрона Лепида неспешно двинулась дальше, чуть слышно приговаривая, как будто вспоминая:

– Глутурин. Юлия Паламба.

В ложе она провела не более нескольких минут, не обращая внимания на арену и устремив взгляд прозрачных серых глаз на установленную перед обелиском пышнобородую скульптуру Нептуна. Морского бога окружали семь изваянных из камня дельфинов, изрыгавших фонтаны воды в небольшие мраморные бассейны. Патрицианке было не до скачек. Ее одолевали тревожные мысли. Потому и не смотрела жена сенатора Мессалы на несущихся наездников, среди которых в одном из заездов снова участвовал Флавий Скорп.

– Что-то случилось? – осведомился патриций, кидая на супругу озадаченный взгляд. – Дома все в порядке? С Мессалиной?

Вопрос был не праздный. Сенатор заглядывал домой крайне редко, основную часть времени проводя на пирах у Калигулы и в разъездах по делам службы.

– Не волнуйся, Марк, дома хорошо, – вымученно улыбнулась патрицианка, поднимаясь со скамьи. – У меня разболелась голова. Пожалуй, поеду, прилягу.

– Цезарь этим вечером посылает меня в провинцию, но к завтрашнему дню я снова буду в Риме, – проговорил благородный муж. – Вернувшись, надеюсь увидеть тебя в добром здравии.

Мессала Барбат поднялся, запечатлел на челе супруги долгий поцелуй и проводил ее жемчужный плащ довольным взглядом.

– Не девочка уже, а все так же хороша, – усаживаясь на место, заметил он, обращаясь к Клавдию.

Тот не шелохнулся, продолжая, как зачарованный, смотреть на стремительно бегущих лошадей, влекущих двухколесные колесницы. Слюна, сбегая по подбородку, капала на тонкую белую патрицианскую тунику, но дядюшка императора этого не замечал. Ум Клавдия был слаб и, поглощенный чем-то одним, был не способен к сторонним размышлениям.

Москва, 199... год

Получив разрешение расходиться, творческий совет ночного клуба «Эротика» пришел в движение. Загромыхали стулья, и стриптизерши поднялись из-за стола, походкой от бедра направляясь к выходу. За ними потянулись оба друга. Только Юлиана продолжала сидеть за отдельным столиком, дочитывая книгу. Стуча желтыми «мартинсами»³ по надраенному до зеркального блеска паркету, к ней приблизился Давид и по-хозяйски обнял девушку за плечи:

– Июль, ты идешь? До начала работы еще куча времени, успеем где-нибудь перекусить.

– Спасибо, я не голодна. Я сейчас на фитнес, – откликнулась стриптизерша, деликатно убирая с плеча руку парня, захлопывая томик Толстого и торопливо покидая зал. Чуть помедлив, за ней вышел диджей.

– Лен, пойдем ко мне, – настойчиво потянул меня за локоть Костя, обводя взглядом опустевшее помещение.

– Кость, я тоже поеду, – проговорила я, мягко отстраняясь. – Пора забирать Эльку.

Пейджер тревожно пищал из сумки, извещая о новых сообщениях от дочери.

– Никуда твоя Элька не денется, – прошептал мне в ухо друг, увлекая за собой в сторону кабинета, больше похожего на апартаменты класса «люкс».

Как ни соблазнительно звучало предложение, я проявила твердость:

– И все-таки давай в другой раз.

– Слушай, а почему бы вам с Элькой не перебраться ко мне за город? – как бы невзначай осведомился Костя, пощипывая бородку – верный признак того, что приятель настроился на романтический лад. – Дом в Подлипках большой, места всем хватит.

– Спасибо, я подумаю, – с благодарностью улыбнулась я.

³ «Dr. Martens» – английская фирма, выпускающая культовую молодежную обувь.

– Что тут думать? – пожал он плечами, и обычно жесткие глаза его сделались просительными. – Сегодня же и переезжайте.

– Я так не могу. Я должна обсудить твоё предложение с Элькой.

– Какая чушь! – Костик нежно поцеловал меня в уголок рта, туда, где, по его словам, живет улыбка. – Обсуждать с девчонкой личную жизнь! Дети эгоистичны, Леночка, и думают лишь о себе.

– Только не моя дочь, – покачала я головой, отвечая на поцелуй. – Ты её не знаешь.

– Кстати, почему ты нас не познакомишь? – крепко обнял меня Костик. – Я видел фото Эльки. Помнишь, ты мне показывала снимки с выпускного бала? Не сомневаюсь, мы с ней замечательно поладим.

Замявшись, я молчала.

– Слушай, Лен, а может, ты меня стесняешься? – спросил он, отстраняясь. И от обиженных интонаций в его голосе мне сделалось не по себе.

Стесняюсь – не то слово. Просто не знаю, как объяснить, почему я больше не с Игорем, с которым начала общаться ещё пять лет назад. Дочери было двенадцать, когда умер её отец. С нами он не жил, заявлялся только для того, чтобы занять денег на отдачу очередного карточного долга. И всё равно Элька отца безумно любила. Девочка каждый день ждала его и, когда раздавался звонок в дверь, бежала открывать, прихватив заранее приготовленные для папы рисунки. Чаще в дверь звонил кто-то другой, но примерно раз в полгода на пороге появлялся облезлый тип с мертвенным лицом и запавшими стылыми глазами.

– Папочка пришел! – Элька кидалась ему на шею и покрывала поцелуями давно не бритые щеки и вкладывала в безвольно опущенные руки акварельные рисунки, на которых был изображен один и тот же сюжет – счастливые папа и мама идут по высокой траве, а между ними – радостная Элька.

Бывший муж бесцеремонно скидывал дочь с себя и, сунув рисунки в карман потрепанной куртки, заводил одну и ту же песню.

– Лен, мне бы денег, – тянул он. – Ты не думай, я на работу устроился, через месяц получка – я обязательно отдам.

Моя вышедшая на звонок мама поджимала губы и делала знаки глазами: дескать, раз просит – надо дать. Жизнь с мужем-алкоголиком научила её поистине нечеловеческому терпению и состраданию к сирым и убогим, которому позавидовала бы и мать Тереза. Мама тайком ссужала его пятерками и червонцами, иначе мой бывший давным-давно позабыл бы дорогу к нам. Если же дома оказывалась бабушка, она без разговоров спускала просителя с лестницы.

Бывший муж уходил несолоно хлебавши, и после его ухода вся лестничная клетка пестрела изорванными рисунками Эльки. Минут через десять я выходила с веником, замечала обрывки и сразу выносила мусор на улицу, чтобы дочь, не дай бог, случайно не увидела в ведре то, что осталось от её подарков. О смерти бывшего сообщила соседка. После зимних каникул мы возвращались из школы, и добрая женщина, догнав нас у подъезда, с деланным сочувствием осведомилась:

– Леночка, не знаешь, где Славу хоронить будут?

И, глядя на мое изумленное лицо, оживилась:

– Как? Разве ты не слышала? Его же нашли за нашим домом. За долги, говорят, убили.

Элька ревела несколько дней, а когда, примерно через месяц, вдруг увидела, как я прощаюсь у парадного с Игорьком, устроила скандал, требуя, чтобы я прогнала его, носила траур и до конца своих дней хранила верность папе. С Игорьком я работала вместе в заводоуправлении и даже в какой-то момент считала его потенциальным женихом, но кавалер мой заявил, что не создан для брака, и дальше банального служебного романчика отношения так и не продвинулись.

Но Элька, в конце концов смирившаяся с утратой отца, через какое-то время уже Игорька рассматривала как того единственного и неповторимого, с кем я обязательно должна связать свою жизнь. А как же иначе? Ведь мы же целовались у подъезда! Моя милая девочка полагала, что любовь может быть одна-единственная и на всю жизнь, и я была бы не матерью, а чудовищем, если бы решилась разрушить ее детское заблуждение. Поэтому я до сих пор и не рассказываю о Костике.

– Ничего не стесняюсь! Кость, не говори глупостей, – отмахнулась я. – Просто еще не время.

Друг недовольно дернул плечом, но, соблюдая приличия, все же проводил меня до дверей.

Дочь я забираю из медицинского института, где она учится на факультете педиатрии. Стать врачом Элька мечтала с раннего детства. Каждый вечер, возвращаясь из садика, мы заходили в аптеку и покупали целый пакет аскорбинки, а на следующее утро Элька раздавала ребятам в своей группе «лекарство от врак и драк». При этом дочь уверяла товарищей, что, съев аскорбинку, они на весь день получили заряд доброты и дружбы. Воспитательница только руками разводила, видя, что с появлением в садике Эльки в группе прекратились ссоры.

После школы дочь, не раздумывая, подала документы в Первый мед и сразу же прошла конкурсный отбор, ибо мастеров спорта охотно принимают во все столичные вузы, а Элька со школы занималась плаванием. И даже достигла в этом виде спорта приличных результатов, став мастером спорта, что и поспособствовало ее дальнейшей карьере. Забирая Эльку из института, я отвожу ее на теннис – это по вторникам и пятницам, а по понедельникам и средам девочка ходит на балетные танцы. В субботу у нас бассейн. После занятий мы обычно заходим в кафе-мороженое, съедаем по шоколадному шарiku и возвращаемся домой.

Живем мы у моего дяди, он сам так захотел. Мамин брат – известный пианист Роман Левин, тот самый, о котором на совещании упоминал Константин. Дядя много гастролирует, собирая полные залы по всему миру. Человек он не бедный, и ему не составило большого труда выкупить целый этаж в доходном доме дореволюционной постройки в самом конце Первого Басманного переулка, где прошло их с мамой детство. Да и мое детство тоже прошло в многокомнатной квартире с просторной кухней и высоченными потолками и антресолями, забитыми разными интересными вещами.

Мама любит повторять, что Рома всегда был самым лучшим братом, и хотя увлеченно занимался с утра до позднего вечера на стареньком фортепьяно, стоящем в проходной комнате их необъятной коммуналки, он все равно находил время для младшей сестры, чтобы сводить на каток на Чистых прудах или на мультики в ДК автомобилистов.

Я была подростком, когда мой прославленный дядя женился на Тане. Вдохновленный идеей собрать семью под одной крышей, Роман в тот же год расселил коммуналку и позаботился о том, чтобы всем нам хватило места. Сразу же после свадьбы молодожены отправились на горнолыжный курорт Церматт. Никто и представить себе не мог, что в Швейцарских Альпах случится несчастье и сошедшая лавина навечно погребет под собой молодую Ромину жену. Трое суток работала бригада спасателей, усиленная добровольцами из отдыхающих, но бесполезно. Откопали из снежных завалов некоторые вещи Татьяны, нашли даже лыжи, но тела так и не обнаружили. Раздавленный и уничтоженный, дядя вернулся в Москву и устроил пышные похороны своей любимой, положив в землю пустой гроб. Больше он так и не женился, ни на минуту не забывая о Танечке.

Я выросла, вышла замуж и ушла из нашей квартиры, но, как оказалось, ненадолго. Вернулась я обратно уже с маленькой Элькой. Бабушка, мама и дядя приняли в воспитании моей девочки самое горячее участие. Бабушка, пока была здорова, занималась развитием Элькиных творческих способностей, обучая малышку рисованию и языкам, мама уволилась с работы

и стирала, убирала и готовила, а дядя Рома из зарубежных поездок привозил моей девочке самые красивые платья, какие только мог найти в фирменных магазинах европейских столиц.

Белое пальто дочери и ее развевающиеся на ветру черные кудри я увидела издалека. Скромно потупившаяся Элька скучала у обочины недалеко от метро «Фрунзенская», ожидая, когда я подъеду. Рядом с ней стоял черный «Паджеро», из которого выглядывала нахальная физиономия уличного пристава. Облокотившись на опущенное стекло, речистый кавказец уговаривал мою девочку сесть к нему в машину. Но Элька, воспитанная в строгих традициях интеллигентной бабушкой, категорически отказывалась от сомнительного предложения. Я притормозила рядом с внедорожником и окликнула дочь. Элька смущенно одернула приподнятый ветром подол пальтишка и, обогнув транспортное средство незадачливого кавалера, проворно уселась рядом со мной, подставив холодную щеку для поцелуя.

– Привет, мамуль, – улыбнулась она, скидывая с головы затейливо вывязанную «трубу»⁴. Карие глаза ее, как фонарики, вспыхнули радостью, и лицо озарилось внутренним светом. – Где так задержалась? Я уже начала волноваться.

– Что, проходимцы всякие липнут? – чтобы не отвечать на провокационный вопрос, усмехнулась я, кивнув в сторону продолжавшего чего-то дожидаться кавалера, с надеждой поглядывающего в нашу сторону.

– Это пятый за те сорок минут, что я тебя здесь жду, – зарделась Элька. – Я уже хотела поехать на метро.

– Ну и зачем тебе эта сутолока? Раз я обещала заехать за тобой, значит, обязательно приеду, – проворчала я, задетая справедливым замечанием. – Ну что, домой? Перекусим, и на аэробики.

– А как дела в твоей скучной бухгалтерии? – Дочь смешно наморщила нос, всем своим видом давая понять, что она и дня бы не выдержала в подобном месте.

– В моей скучной бухгалтерии Марина уходит в декрет, Светлана Андреевна собирается на пенсию, а Ольгу бросил муж, – пустилась я в фантазии, придумывая, как могла бы сложиться жизнь моих бывших коллег из душной комнатки на третьем этаже заводоуправления.

– Бедная ты моя. – Она потерлась щекой о мое плечо. – Какая у тебя жизнь унылая!

Я улыбнулась, коснулась губами Элькиного носа и согласно кивнула.

Москва, 1952 год

– Котик, не отставай! Мы опаздываем!

Мама дернула Котю за руку и прибавила шагу. До красивого дома с просторным палисадником и белым гипсовым горнистом в самом центре двора они шли всегда пешком. Можно было от метро доехать на автобусе, но ждать автобуса еще дольше, чем идти. Галоши то и дело сваливались, мама останавливалась и, ругаясь на бестолкового сына, снова и снова вдевала валенок в галошу. Когда остановились в очередной раз, мама строго посмотрела на Котю, как будто это он сам скидывал калошу, вдела в нее валенок, поправила висевшую на плече холщовую сумку и, не оглядываясь, устремилась вперед, к дому, где жила Королева Ведьм. Котя громко икнул и, оскальзываясь на ледках, припустил за мамой бегом.

Он всегда икал, если долго плакал. А плакал Котя всю ночь, потому что боялся страшную ведьму, у которой они теперь жили. В ее жилище пахло пылью – как на чердаке барака в гарнизоне, где служил Котин отец. Подниматься на чердак Коте строго-настрого запрещали. Но отец уходил на службу, мать отправлялась в гарнизонную прачечную, заперев Котю в их тесной комнатке, и соседский Андрейка сразу же стучался в заклеенное синей изолентой оконное стекло.

– Малой! – звал он с улицы. – Айда с нами на чердак!

⁴ Женский головной убор в виде длинного вязаного воротника, модный в девяностые годы прошлого столетия.

Интерес старших товарищей к маленькому Коте был не случаен. Все дворовые мальчишки знали, что вечно пьяный Котин папа оставляет початые пачки «Казбека» на серванте. И подбивали Котю воровать отцовские папиросы, но аккуратно, не наглея, так, чтобы не вызвать у родителей ненужных подозрений. Краденые папиросы полагалось отдавать дворовым приятелям. Набив карманы картонными гильзами с табаком, Котя подтаскивал к окну отцовскую гантель, забирался на стул, со стула переползал на подоконник, кряхтя, замахивался чугунной чушкой и с силой ударял по оконному шпингалету. Шпингалет опускался, открывая путь на улицу. Распахнув обе створки, Котя торжественно слезал прямо на руки мальчишек.

Сбившись в стайку, ребята бегом огибали барак, заходили с черного хода и, поднявшись по скрипучей лестнице на чердак, просачивались сквозь прутья заграждения, на которых покачивался увесистый замок. И, расположившись на перевернутых ящиках от снарядов, выкуривали добычу, щекоча нервы страшными историями. Истории бывали разные – про черную руку, про дьявольский автобус с номером, состоящим из трех шестерок, про женские ногти в мясных пирожках и парикмахера-убийцу. Ну и, конечно же, про ведьм и колдунов. В благодарность за оказанную услугу Коте предоставлялось право выбора, и чаще всего мальчишек просил рассказать какую-нибудь историю про ведьму.

На ведьмах специализировался Андрейка. Старший товарищ обставлял рассказы с театральной пышностью, и Котя трепетал и боялся гораздо больше, чем во время других повествований. Когда глаза привыкали к полумраку чердака, куда сквозь заколоченные досками окна с трудом пробивался солнечный свет, ребята занимали привычные места. Андрейка неизменно усаживался на место возжаса у пыльного окошка. Подождя, когда мальчишки устроятся кто где, рассказчик раскуривал папиросу и, указывая на сухие белесые метелки пахучей травы, развешанные на вбитые в балки гвозди, небрежно вопрошал:

– А знаете, ребя, для чего здесь полынь?

– Ну, для чего? – хмыкал Макс, с восхищением глядя на кольца дыма, медленно выплывающие из округленного Андрейкиного рта.

– Чтобы отвадить ведьм! – понижал голос рассказчик, выпуская очередное неровное кольцо и передавая папиросу следующему курильщику.

– Да ладно, Дрон! Откуда здесь ведьмы? – кривил тонкие губы, неумело затягиваясь, Васек.

– Знаешь горбатую бабку, которая живет у развалин старой церкви? – прищуривался Андрейка, четвертый год ходивший в сельскую школу и знавший окрестности как свои пять пальцев.

– Ну? – неуверенно отзывался Васек, и по голосу было件нятно, что бабки он не знает. – И че?

Андрейка подавался вперед и, тараща честные глаза, понижал голос до свистящего шепота:

– Я сам видел, как она на кладбище покойника жрала!

– А где она его взяла? – недоверчиво интересовался Котя, на всякий случай пересаживаясь поближе к лестнице. А вдруг полынь не подействовала и ведьма притаилась где-то на чердаке?

Чувствуя сомнения товарищей, Андрейка, чтобы поддержать авторитет, принимался живописать картины одна кошмарнее другой. Но с вариациями, чтобы не надоест слушателям.

– Пока вы, мелюзга, в кроватках своих спали, мы с Володькой прошлой ночью на кладбище пошли. Идем и, это, видим – перед нами по дороге шкандыбает скрюченная седая карга с выкаченным глазом, затянутым бельмом.

Мальчишки слушали, разинув рты, и ни у кого не возникал резонный вопрос – как смельчаки темной ночью сумели рассмотреть не только седину в старухиных волосах, но и бельмо на ее глазу?

– Когда мы только на дорогу выходили, – продолжил рассказчик, добывая первый бычок, вернувшийся к нему по кругу, – не было бабки, вот честное пионерское! А потом, гля, перед нами тащится. Подошла, значит, старуха к воротам кладбища, и, гля, она уже с другой стороны ограды! Только что была на дороге – и уже бредет среди могил! А ворота-то на замок закрыты! Мы пролезли в дырку и видим – склонилась она над свежей могилой и землю руками, вот как собака, разрывает. Володька хотел убежать, но я ему не дал. Пионеры должны быть смелыми. Раз уж пришли – надо остаться до конца и посмотреть, что будет дальше.

– И чего было? – испуганно пискнул белобрысый Макс.

– Могилу она разрыла, вот чего, – еще больше выкатив глаза, прошептал Андрейка. – Потом затрещали доски, и мы с Володькой догадались, что это старуха ломает гроб. Володька чуть было не обделался от страха. Прикиньте, ребя, какая силища нужна, чтобы выломать крышку гроба и вытащить покойника за ноги из могилы? Мертвяки же после смерти тяжеленные и весят, наверно, как сто тыщ гаубиц! А может, даже больше...

– А потом чего? – нетерпеливо перебил его Васек.

– Ну, чего-чего? Проволокла старуха покойника через могилы, перекинула через кладбищенские ворота и вытащила на дорогу, – нагнетал обстановку «очевидец». – Мы тихонечко двинулись за ней. Остановилась бабка на перекрестке, оторвала у мертвяка руку, как если бы это была вареная куриная ножка, и стала жадно глотать. Идет по дороге и хрустит косточками. Идет и хрустит. Обглодала и кости выкинула. Потом оторвала ногу. И тоже сожрала. Пришла к развалинам церкви, разбежалась и врезалась лбом в кирпичную стену. Обернулась собакой, втащила в зубы остатки трупа на паперть, а там ее уже дожидалась целая стая черных псов.

– Ну а потом-то чего? – теребили Андрейку ребята, ожидая необычной развязки.

– Чего-чего! Растерзали они остатки мертвяка, и всех делов, а мы с Володькой вернулись домой, – скомкал концовку рассказчик, давя о деревяшки перекрытия последний окурок и поднимаясь с перевернутого ящика.

Одноклассник Володька был неизменным участником Андрейкиных приключений. Особая ценность его состояла в том, что ни опровергнуть, ни подтвердить слова Андрейки его дружок не мог, и не только потому, что жил далеко от гарнизона в частном доме на окраине села, а еще из-за того, что был немой. Иногда повествование принимало другой оборот, и колдунья, учуяв на кладбище человечину, бросала недоеденного мертвеца и, скаля окровавленный рот, пускалась за смельчаками в погоню.

– Мы с Володькой пулей забегаем в заброшенную церковь – больше-то спрятаться нигде! – страшным голосом вещал Андрейка. – А там целая свора черных сук. Морды злющие! Рычат! Клыки скалят! Глазищи полыхают зеленым огнем! А возжак ихний – здоровущий такой кобель – на алтаре лежит и ждет, когда его прислужницы нас загрызут, чтобы первому отведать нашего мяса. И тут в церковные двери входит старуха. Уставилась на Володьку своим сизым бельмом и идет прямо на нас. Вытянула руки, зубы выставила, из угла рта кровавая слюна стекает. Володька как рванется, чтобы сбежать! И тут петух прокукарекал, и разом все исчезло. Смотрим мы по сторонам – ни старухи, ни собак, ни возжака ихнего на алтаре. Только кирпичные стены, размалеванные голыми тетками, да обломки иконных досок под ногами хрустят.

– А как отличить обычную старуху от ведьмы? – Голос Коти дрожал от любопытства и ожидания чуда.

– Ну, у ведьмы всегда есть хвост, только она его не показывает, – со знанием дела начал загибать Андрейка перемазанные чернилами пальцы. – Еще обязательно копыто на одной

ноге. Из-за него колдунья не может нормально ходить и потому хромает. А у Королевы Ведьм аж целых два копыта! Она вообще при людях не ходит, чтобы не стучать ногами по полу и себя не выдать. Часто бывает горб – в него ведьма прячет свои дьявольские крылья. Ну, амулеты у нее всякие колдовские – это уж само собой. С их помощью она колдует. И злая, конечно же. Детей есть. И не только детей. Вообще живые люди – ее любимое лакомство. А когда до живых добраться не может – обходится мертвечиной. Как та, кривая, с бельмом.

– Врешь ты все! – не выдерживал Васек, ревновавший к успеху товарища. – Чем докажешь?

Андрейка выхватывал из кармана что-то белое, ссохшееся, пятипалое и, тыча страшным предметом в ребят, завывал:

– Это рука мертвеца! Ведьма ее обронила, а я подобрал!

Перепуганные мальчишки с визгом просачивались сквозь прутья решетки, и бросались бежать с чердака вниз по лестнице, и только во дворе приходили в себя.

– Никакая это не мертвецкая рука, а куриная лапа, – предпринимал Васек попытку бросить тень на Андрейкины страшилки. Но Котя ему не верил. Он мог бы поклясться, что собственными глазами видел фрагмент человеческого скелета. На следующий день мальчик снова крал у отца папирасы и шел с приятелями на чердак, чтобы получить очередную порцию леденящего душу ужаса. Мама не одобряла таких походов и ходила ругаться к отцу Андрейки, но прапорщик Иванов только отмахивался. Пацанва, мол, что с них возьмешь. Он и сам в их возрасте беспризорничал, спал в канализационных трубах и нюхал марафет. А нынешние дети одеты, обуты, сыты и всего лишь курят папирасы. И что в этом плохого? Пусть ребята легкие развивают – здоровее будут. Но маму беспокоило вовсе не курение дворовых мальчишек. После походов на чердак Котя плохо спал и боялся один оставаться в их тесной барачной комнате. И когда семья уезжала из гарнизона, мама даже радовалась, что Котя больше не будет слушать Андрейкины истории.

Котя помнил поезд, на котором они ехали в Москву. Гудящая и ревущая машина днем и ночью стучала колесами через заснеженный лес, и мальчик прижимался носом к обледеневшему окну и, сделав дыханием глазок, не отрываясь, смотрел на бегущие мимо деревья, одетые в белые шапки и пушистые снежные воротники. Детскую душу томило ожидание чего-то прекрасного, которое непременно должно было случиться в самой замечательной на свете столице нашей родины. Когда Котю укладывали спать в узком купе и думали, что он заснул, мама горестно говорила:

– Ну и кому, Леш, была нужна твоя бравада? До увольнения в запас оставалось всего ничего! Тебе обязательно надо было напиваться и бить по лицу полковника Тищенко? Разве ты не знал, что выгонят из армии без выходного пособия?

– Молчи, женищина! – сдвигал папа к переносице густые брови, угрожающе сжимая кулак. – Твой номер шестнадцатый! Может, я специально дал ему в морду, потому как всегда хотел жить на гражданке! Я столяром-краснодеревщиком, может быть, устройсь!

Котя знал вспыльчивый, но отходчивый характер отца, из-за которого сыну часто доставалось ремня, зато потом перепадали твердые, как камень, карамельки в прилипших намертво бумажках. Их нужно было долго лизать, отмачивая, чтобы добраться до конфеты.

– В гарнизоне хоть крыша над головой была, – скорбно тянула мама. – Теперь ни жилья, ни работы.

– Не дрейфь, Наташка! Прорвемся! – широко улыбался отец, и лицо его становилось почти что красивым. – Что-то душно здесь. Пойду в вагон-ресторан, освежусь.

Он возвращался, когда Котя уже почти спал, и, сопя и всхрапывая, лез с поцелуями к маме. Дородная тетка на верхней полке начинала ворочаться, кряхтеть и недовольно бормотать, что хоть бы мальчонки своего постеснялись. И только в последнюю ночь отец

не забрался на мамину полку, а подхватил сонного сына на руки и прижал к своей жесткой колючей груди в синей олимпийке.

От отца пахло водкой и папиросами, и Котя очень не любил этот запах. Это был запах тревоги и ссор. Его всегда сопровождали мамы слезы и перекошенный злобой рот отца, который выкрикивал страшные ругательства, проклиная военное училище, в которое его запихнула дура-мать, хотя он всегда мечтал реставрировать старую мебель. Сейчас же отец, хоть и пах табачным дымом и водкой, специальным шуточным басом говорил Коте в сонное ухо: «Ну что, Кот? Ты готов к знакомству с бабушкой? О-го-го, брат, что это за женщина! Гранит! Бетон! Не-ет! Она не из плоти и крови, как мы с тобой! Она из железа! Она революцию делала!»

Котя окончательно проснулся и залился безудержным смехом – ему казалось, что грозный папин голос никак не вяжется с добрым словом «бабушка». Своих бабушек он не видел. Мамина мама жила где-то очень далеко и внука ни разу не навестила, а вот к мальчишкам в военный городок бабушки приезжали довольно часто. Все они были приветливые, угощали дворовых ребят печеньем и дарили внучатам подарки. И Котя, сойдя с поезда, с волнением и тайной радостью ждал встречи со своей собственной бабушкой, выбрасывая из кармана мелкий мусор и расчищая место под дары, которыми его вот-вот осыплют.

Москва, 199... год

Связаться с импресарио порнозвезды оказалось непросто. Уже на следующий день после собрания креативной группы я отправила Лео Фишману факс, на который он мне ответил лишь через месяц. Американец писал, что график мисс Секси Бум расписан на пять лет вперед, ее ждут площадки Бродвея и Лас-Вегаса, и в планы мегазвезды не входит выступление в мало кому известном российском стриптиз-клубе. Хотя Костя и не подал виду, но я все равно заметила, что отказ американца его изрядно огорчил. Все, что нам оставалось, – это срочно придумать, кем заменить строптивую Секси Бум.

Но ближе к Новому году, когда мы уже договорились с широко известной в узких кругах Группой Экспериментального Секса, я получила согласие на приезд американской Мессалины. К согласию прилагался изрядный райдер, включающий в себя пятизвездочный отель, машину представительского класса, четырехразовое питание в ресторане, одноместные номера для команды звезды – все должно было быть по высшему разряду. Честно говоря, сумма выходила довольно приличная, но Костя с радостью согласился, заявив, что престиж заведения он ценит превыше денег. Думаю, это обычный прием порнодивы – морочить голову до последнего, дабы набить себе цену.

И вот, наконец, после стольких тревог и волнений, за пару дней до Нового года я стояла в толпе встречающих в зале аэропорта «Шереметьево», держала табличку с именем импресарио и всматривалась в лица проходящих мимо людей, выискивая мисс Секси Бум. Я помнила ее эффектное лицо по фильму, специально просмотренному вместе с Костиком в ознакомительных целях, и была уверена, что не ошибусь. Но мимо текли шумные людские толпы, обсуждая предстоящие праздники и свои насущные дела, а ярких зеленых глаз, рыжих волос и чувственных губ мисс Секси Бум не было и в помине. Вдруг меня сзади тронули за плечо, и от неожиданности я чуть не выронила табличку. Обернувшись, увидела высокого представительного мужчину без возраста в длиннополом бежевом пальто. Шею его украшал полосатый шарф в пастельных тонах, один конец которого он то и дело перекидывал через плечо.

– Добрый день, я Лео Фишман, – по-английски сообщил обладатель шарфа. – Госпожа Левина, будьте так любезны, пройдемте в полицейский участок аэропорта.

Не дожидаясь ответа, импресарио развернулся и двинулся к дальнему концу зала, где светилась вывеска «Милиция». Расталкивая попадающихся на пути людей, я устремила следом за Фишманом к стеклянным дверям отделения. Запыхавшись, вбежала за ним в участок

и первым делом увидела разодетую в соболя даму в темных очках и надвинутой на лоб высокой шапке из лисьего меха. Любительница мехов сидела на стуле, лица ее не было видно, но сжатые в нитку губы с опущенными вниз уголками говорили о крайней степени недовольства.

Рядом с дамой восседал худой бледный юноша с гладко зачесанными назад волосами цвета воронова крыла, необычайно похожий на вампира, какими их изображает массовая культура. На соседнем стуле развалилась рыхлая бритая девица в немыслимом стеганом балахоне. Напротив иностранцев тосковал милицейский майор, вертя в пальцах шариковую ручку. В центре стола белел заполненный протокол. Импресарио перегнулся через стол, подцепил бумагу холеными пальцами, поднес к глазам и без особого любопытства принялся читать.

– Госпожа Левина, – сообщил он, отрывая от документа снулые глаза, – у вас проблемы.

– Простите? – покосилась я на майора, ожидая разъяснений, и тот раздраженно проговорил:

– Не пойму, из-за чего сыр-бор. Здесь, в аэропорту, у этой гражданочки, – он махнул подбородком в сторону дамы в соболях, – украли сумку с какими-то побрякушками. Насколько я понял, так, ничего ценного. Лабуда.

– Потрудитесь выражаться прилично! – повысил голос Лео Фишман, продолжая общение на родном для себя языке, из чего я сделала вывод, что раз американец понял замечание майора, значит, вполне прилично знает русский. – Моя жена знаменитая актриса! Она популярна во всем мире! Мисс Секси Бум проявила лояльность, приехав в вашу страну на гастроли, и не успела она ступить на землю варварской России, как пропал очень важный элемент ее костюма! В похищенной сумке находилась точная копия лунного гребня, с которым, как известно, не расставалась жена императора Клавдия, вошедшая в историю как Мессалина.

Глядя на сложенный горкой у дверей багаж иностранцев, состоящий из роскошных сумок «Луи Вюитон», в принципе я вора понимала. Мало кто смог бы пройти мимо такого лакомого куска, как американская порнозвезда, словно кричащая всеми своими мехами и сумками: «Ограбьте меня немедленно!»

– Думаю, варварская Россия не много потеряет, – ехидно заметил майор, переходя на язык потерпевших, – если такая, с позволения сказать, актриса, как госпожа Секси Бум, не выступит в Москве. Порнографии у нас и своей хватает. Для этого не нужно прилетать из-за океана. В «Интуристе» Мессалин хоть отбавляй!

– Вот и отлично! – Жесткая складка залегла у губ американца. – Мы сейчас же вылетаем обратно в Нью-Йорк! Я пригласил вас, госпожа Левина, исключительно для того, чтобы вы поняли, что гастроли срываются не по нашей вине, и ни о какой неустойке не может быть и речи.

– То есть как это, вылетаете обратно? – не поверила я своим ушам. – Из-за гребня? Разве нельзя пропавший реквизит заменить другим?

– Сразу видно, что вы не знаете, о чем говорите, – неприятно усмехнулся Фишман. – Я культуролог, неоднократно участвовал в международных конгрессах и форумах и не раз выступал консультантом на съемках фильмов об античности. И потому как никто другой знаком с особенностями костюма жены императора Клавдия. Лунный гребень для ее образа просто необходим. Мы специально для «Черной луны Мессалины» заказывали точную копию гребня, хранящегося в музее Революционной истории.

– Вот и славно, – обрадовалась я. – Раз все так просто, закажем еще одну копию!

– Не думаю, что это хорошая идея, – скривился импресарио, потирая под шарфом вспотевшую шею. – Вещица очень сложна в исполнении. Мастер работал над заказом две недели, а потом еще неделю устранил недостатки, на которые я ему указал.

– А если взять гребень в музее? – не сдавалась я. – На пару дней?

– Кто же вам позволит вынести из музейных стен столь ценный экспонат? Это одно из главных украшений экспозиции, посвященной Александре Коллонтай, и вряд ли сотрудники музея решатся с ним расстаться.

– Коллонтай? Первая в мире женщина-посол? – восторгнулся майор, неожиданно продемонстрировав знание истории родной страны. И вяло полюбопытствовал, выбивая шариковой ручкой дробь по столу: – И как же он к ней попал?

– Подарил друг детства, некий царский офицер, – пояснил осведомленный культуролог.

– Вас не должно волновать, как я добуду гребень, – горячо заверила я Фишмана, снова возвращаясь к волновавшей меня теме разговора. – Главное, что я обещаю утрясти этот вопрос. А милиция тем временем поймает вора и вернет вам реквизит в целости и сохранности. Ведь поймаете?

Взгляд, который я кинула на майора, растопил бы даже ледяную глыбу, но страж порядка не пожелал мне подыграть, неопределенно пожав погонями.

Подхватив несколько сумок иностранцев, я весело глянула на заграничную звезду и оптимистично предложила:

– Ну что, мисс Секси, пройдемте к машине? А то шофер заждался!

Лео немного подумал и согласно кивнул, помогая подняться со стула путающейся в шубе супруге, так и не проронившей ни слова за весь наш разговор.

Я слукавила. Водитель заказного лимузина особенно нас не ждал. Развернув на рулевом колесе «Спид-инфо», он ел беляш, заодно пробегая глазами статьи и собирая на газету капаящий из мясного пирожка сок. Оплата ему шла почасовая, и чем дольше американцы выясняли ситуацию с пропавшим багажом, тем больше он зарабатывал. Заметив подошедших к его длинному и не слишком-то новому транспортному средству пассажиров, водитель скомкал газету, вытерев ею руки, и дернул за рычажок под рулем, открывая багажник. Но Лео Фишман класть сумки не торопился. Он недоверчиво рассматривал авто, точно не мог взять в толк, как на такой машине ехать.

– Послушайте, госпожа Левина, – постояв так с минуту, обернулся он ко мне. – В райдере записано, что Секси Бум должна передвигаться на авто представительского класса. А что нам подали?

– Чем же плоха машина? – удивилась я. – Чисто вымытая, черная, блестит! Водитель в ливрее и фуражке, в салон поместится цыганский хор!

– Она же старше моей бабушки! И гораздо уродливее, – фыркнул импресарио. – С чего вы взяли, что мы согласимся ехать на таком старье?

– Не на старье, а на раритете, – заливалась я соловьем. – Превосходный «ЗИС-110», тысяча девятьсот сорок восьмого года выпуска, доведенный русскими умельцами до состояния лимузина. Больше вы нигде на таком не покатаетесь!

– Черт с вами, ехать-то надо, – махнул рукой Фишман, укладывая сумку в багажник.

Его примеру последовала и я. Мисс Секси Бум уселась с видом королевы на заднее сиденье, с ней рядом устроился ее придирчивый муж и свита, а я устремила к своей машине, чтобы сопровождать гастролеров в гостиницу.

Рим, I век н. э.

Ступая по бульварной мостовой упругой походкой, нубийские рабы несли носилки из эбенового дерева в центр Рима. Их потные спины блестели на солнце, как дорогой сафьян. Пробираясь сквозь толпу разгоряченных горожан, носильщики шествовали мимо базара и городских бань, пока не поравнялись с храмом Аполлона, украшенным высоченной мраморной статуей бога, голова которого с недавних пор была заменена сиятельным ликом императора. Идея стать богом посетила Калигулу во сне. Проснувшись, Гай Цезарь во всеуслышание объявил себя божеством и потребовал от подданных соответствующих почестей, для простоты

поклонения заказав скульпторам переделать прежних обитателей Олимпа в себя, солнцеподобного.

На этот раз матрона Лепида подгоняла носильщиков еще нетерпеливее, чем тогда, когда торопилась на свидание с Флавием Скорпом. В голове патрицианки звучали слова болтливой сплетницы-соседки о том, как Мессалина смотрит на мужчин. Неужели ее маленький каприз, ее самовольность свели на нет плоды стараний стольких лет?

Когда в ранней юности честолюбивая дочь славного рода Домициев прибыла на гору Кармал к киммерийской сивилле, вещая старуха, по слухам, обитавшая у озера Аверон уже более тысячи лет, отложила неувядающую розу и, пристально взглядевшись в благородную римлянку, каркающим голосом пропела:

– Вещицы, что называешь своими, носишь ты не по праву. – Сухонькая ручка сивиллы поднялась в направлении прически пришедшей, плавно переместившись в область ее шеи.

Юная Лепида тут же догадалась, что речь идет о ювелирной паре, которую она надела, отправляясь к провидице. В ковчеге лимонного дерева с незапамятных времен в ее доме хранилась золотая булла⁵ в полпальца величиной в виде крылатой девы с совиными лапами, опиравшими спины двух львов. В руках химера⁶ держала серебряный знак двойной бесконечности, а голову ее украшали семь рогов.

Был в ковчеге и сработанный в пару к булле богатый гребень из серебра, золота и кости. Как и химера, гребень был необычайно хорош и формы необыкновенной. Серебряный лунный серп, искусно инкрустированный фигуркой обнаженной красавицы. Выточенное из кости тело женщины казалось живым, на поднятых вверх руках она держала золотой знак двойной бесконечности, точно такой, как у химеры. Золотые волосы ниспадали на молочно-белые плечи, а ноги деве заменяло золотое пламя, исполненное в виде семи извилистых, как языки огня, зубцов. Изумруды глаз смотрели на мир насмешливо и дерзко, алый коралловый рот улыбался самоуверенной улыбкой.

Ковчег со всем содержимым достался предкам патрицианки от родственника – легата, по указанию которого римские воины стерли с лица земли храм иудейского царя Соломона. Солдаты нашли ковчег в подземелье под храмом. Когда туда спулись, из погребка вырвались огненные шары и сожгли первых смельчаков, рискнувших покуситься на запретное.

– Это наследство Гекаты, для дочери уготованное, – скрипела гекзаметром старуха. – Дитя, что родишь ты от брака с кузеном, дочерью Великой Темной Матери будет являться. В безлунную ночь яркие эллипсы вспыхнут на черном небе, и дочь Гекаты появится на свет. Станет дитя то царицей мира, будет над Римской империей волю вершить! Гребень дарует свободу ей делать, что хочет, булла придаст благоразумие в делах. Если отдашь ей лишь буллу, станет дочь Темной Богини богатой и знатной, но не познает свободы. Если же будет она обладать только гребнем, свобода ее будет безгранична, но что с ней делать, несчастная так и не поймет. Две эти вещицы уравновесят друг друга, одна без другой много бед принесет.

Пророчество сивиллы вселило в душу молодой патрицианки пусть смутную, но все-таки надежду. Давно она мечтала о царской власти, и если ей самой не доведется стать императрицей, роль матери правительницы Рима тоже весьма неплоха. Все случилось так, как предсказала вещунья. К Домиции Лепиде посватался двоюродный брат Мессала Барбат, до этого не проявлявший к кузине особого интереса, и знатная невеста тут же дала согласие на брак. Валерия родилась, когда в полночном небе над домом Барбатов сверкали и искрились пересекающиеся овалы. Девочка и впрямь росла диковинным цветком, сторонящимся материнской ласки. С раннего детства Валерия Мессалина стала требовать отдать ей буллу-химеру и лунный гребень, как будто точно знала, что украшения принадлежат именно ей.

⁵ Полый внутри амулет, надеваемый на шею и содержащий священные атрибуты.

⁶ Фантастическое чудовище, состоящее из частей разных животных.

Матрона Лепида не собиралась идти на поводу у дочери, рассчитывая вернуть вещицы из ковчежца не раньше, чем та подрастет. Своевольная малышка, не получая желаемое, срывала зло на безответных рабах, собственноручно бичуя их сыромятной плеткой, и часто доходило до увечий. Мать даже не пыталась влиять на необузданную дочь, ибо и сама видела, что рожденное ею дитя – квинтэссенция женского начала, страстного и темного, как сама Богиня Тьмы. В Валерии слишком много силы Великой Черной Матери, и укротить снедающий девочку внутренний жар смогут только булла и гребень. Но всему свое время. Пока дочь не выросла, Лепида сама будет владеть наследством Царицы Тьмы, используя себе на благо идущую от него небывалую мощь.

Высоко ценя свою избранность, матрона частенько советовалась с Темной Матерью, испрашивая у Гекаты ответ на тот или иной вопрос, касавшийся не только малышки Мессалины, но и прочих дел. С обращением к Гекате пришло и чувство уверенности. Домиция Лепида больше не боялась быть самой собой, отдаваясь первобытным желаниям и удовлетворяя обуревающую ее похоть. При этом патрицианка была уверена, что дары Гекаты, которые она носила не снимая, не дадут ей попасться. Так было во время суда над Лепидой за прелюбодеяние с родным братом, Гнеем Домицием Агенобарбом. Император Тиберий, затеявший это судилище, настолько своевременно скончался, что не узреть в этом волю Гекаты было, по меньшей мере, неблагодарностью.

Поднявшись к Палатину, нубийцы завидели вдалеке черепичную крышу с азсурными бронзовыми акротериями. Непроизвольно прибавив шаг, они почти пробежали последние тысячу локтей и остановились у выкрашенных охрой и пурпуром внешних стен дома сенатора. Этот пышный особняк с многочисленными хозяйственными постройками простирался на многие и многие милле пасс⁷ и выходил на улицу высоким забором, за которым шла своя жизнь.

Складка озабоченности залегла у матроны Лепиды между бровей, пока она, кивнув дворецкому, въезжала в ворота. Четыре дорические колонны с канелюрами, покрытые суриком, поддерживали верх карниза с цветочным орнаментом. Стену около двери украшал выписанный восковыми красками лаконский пес с предостерегающей надписью «Save sapet»⁸. Миновав мозаичный порог со словом «Ave»⁹, носильщики заторопились к особняку.

К левому крылу роскошного строения с колоннадой и высокими мраморными ступенями примыкал бассейн, за ним простирался обширный двор, хозяйственные постройки и жилища пяти сотен рабов, заботившихся о благе и удобстве всего лишь трех человек. С противоположной стороны располагался перистиль¹⁰, сообщающийся с садом. В зелени кипарисов и кустов олеандра виднелись часовни, за парком тянулись беговые дорожки стадиона, краснели черепицей покатые крыши конюшни и псарни. В саду журчали многоярусные фонтаны и повсюду белели мрамором прекрасные статуи, которых было на территории дворца сенатора никак не меньше, чем деревьев.

Бережно поставив носилки на невысокую подставку, невольники, отирая ладонями пот с запыленных лиц, тут же переплели ноги и, тяжело дыша, опустились на каменные плиты. В калитке показалась раскрасневшаяся от жары Хлоя, спеющая следом за лектикой хозяйки. Откинув полог, рабыня подала матроне Лепиде руку, помогая сойти на землю. Лепида с досадой посмотрела на гречанку, как будто видела в чем-то ее вину, и, продолжая хмуриться и поигрывать плеткой, проследовала в вестибюль, а затем и в атрий.

⁷ Тысяча шагов (лат.).

⁸ Берегись собаки (лат.).

⁹ Здравствуй (лат.).

¹⁰ Открытое пространство в римском доме, окруженное с четырех сторон крытой колоннадой.

В главном зале дома на алтаре перед фигурками пенатов и ларов¹¹ стояла бронзовая чаша, напоминая по форме девичью грудь, поставленную на сосок. От фитилей, сплетенных из белого виссона, поднимался благовонный дым. Лепида специально добавляла в масло лаванду, чтобы дом пропитался ее терпким ароматом. В дыму колебались деревянные, потрескавшиеся от времени лица божеств, покровителей рода. Дальше в ряд висели восковые маски предков, которые благодарные потомки, гордые родством, несли перед собой во время праздничных шествий.

А обитателям этого дома поистине было чем гордиться. Они вели свой род от Божественного Августа Октавиана, Луция Домиция Агенобарба, Нерона Друза. Ступая по мозаичным плитам, изображавшим выходящую из вод морских Венеру, Лепида не сводила с масок задумчивых глаз. Только бы все получилось! Только бы Валерия сумела стать императрицей! Уж тогда бы она, Домиция Лепида, правнучка императора Августа, вволю насладилась дарованной ей властью!

Погруженная в свои мысли, патрицианка приблизилась к покоям дочери, не замечая покорно следующей за ней Хлои. Едва увидев хозяйку, рабы в страхе разбежались по углам, предпочитая переждать грозу в безопасном месте. В спальне матрона Лепида с досадой обвела взглядом разбросанные вещи и строго посмотрела на африканских невольниц, торопливо прибирающих комнату.

— Где моя дочь? — Голос Лепиды звенел от гнева. Плетка в руке угрожающе поднялась. — Где Мессалина?

— Молодая госпожа в нимфее, — потупившись, пролопотала самая смелая из них.

Развернувшись, чтобы выйти, жена сенатора Мессалы только сейчас заметила бледную от усталости Хлою.

— Помоги здесь прибрать и жди молодую госпожу, — распорядилась патрицианка, щелкнув в воздухе кнутом.

Гречанка безропотно нагнулась за разбросанными по полу вещами, а матрона Лепида, хлопнув дверью, двинулась по дому дальше. Пройдя через атрий и два узких коридора, женщина достигла желтых стен купальни. Шагнув из-за малахитовых колонн в зал для омовений, сразу же увидела раба Исаака. Юный иудей, опутив зардевшееся смуглое лицо, застыл в напряженной позе с кувшином над порфирной ванной и не знал, куда девать глаза. Он заставлял себя рассматривать затейливую мозаику пола, но взгляд непроизвольно возвращался к ванне. Темные губы его кривила страдальческая улыбка, тонкие ноздри орлиного носа возбужденно трепетали.

Оторвавшись от созерцания ладной фигуры молодого раба, Лепида посмотрела на дочь. Закусив пухлую алую губку мелкими жемчужинами зубов, Валерия нежилась в теплой воде, неспешно лаская свое совершенное тело. Медные кудри, сколотые высоко на затылке, водопадом спускались на лицо. Сквозь огненные пряди всполохами зеленели глаза, томно прикрытые трепещущими длинными ресницами. Глядя себя по груди, животу, промежности, девушка явно забавлялась производимым на иудея впечатлением, то опуская, то поднимая бедра над водой. Тот потел, страдал, томился от стыда, но не мог превозмочь себя и не смотреть на молодую госпожу.

— Валерия! — застыв в гневной позе у колонны, окликнула матрона Лепида заигравшуюся дочь. — Немедленно прекрати!

Исаак вздрогнул и, как на спасительницу, взглянул на госпожу, подоспевшую так вовремя. Патрицианка еще сильнее нахмурилась и занесла хлыст для удара, но бить раба не стала, со свистом шлепнув по воде мраморного бассейна, располагавшегося в центре

¹¹ В древнеримской мифологии боги — хранители домашнего очага.

купальни. Юноша выглядел таким несчастным, что непричастность его к этому действию была очевидна даже ей.

– Моя госпожа, я не хотел! – сдавленно заговорил он. – Я шел на кухню, чтобы взять объедки для щенят, а молодая хозяйка окликнула меня и велела прислуживать при омовении.

– Убирайся к себе на псарню! – скомандовала жена сенатора. – И подбери мне черную суку на сносях.

Всему Риму было известно, что Мессала Барбат держит собак для охоты и что лучшие его гончих нет во всей империи. Прежде чем уйти, раб быстро кинул на матрону Лепиду брезгливый взгляд, и жрица Гекаты подумала, что парень не только красив, но и умен. Даже слишком. Не оборачиваясь, патрицианка двинулась к себе в покои, досадуя на свою рассеянность. Занятая утолением собственных желаний, она едва не упустила дочь. Еще немного, и услышавшая зов плоти Мессалина отдалась бы первому встречному, ничтожнейшему соседу из всаднического сословия, какому-то Луцию Стратонику, навеки опозорив их род! И тогда стать императрицей ей не смогла бы помочь даже Великая Темная Мать.

К вечеру матрона Лепида заглянула на половину дочери. Мессалина сидела перед полированным серебряным зеркалом, перебирая заколки и гребни самых затейливых форм. Были здесь драгоценные фигурки богов и животных, цветов и птиц с алмазами, жемчугом, изумрудами, сапфирами, рубинами. Пока Валерия рассматривала украшения, чернокожая рабыня-каламистра просушивала ее густые медные пряди, попутно навивая их на щипцы. Почтительно склонив голову, у стены своей очереди дожидалась рабыня-кипасис, чтобы уложить головку Мессалины в изысканную прическу, состоящую из мелко заплетенных кос, перемежающихся искусно завитыми локонами, а затем украсить выбранными хозяйкой драгоценностями. Хлоя тоже застыла у дверей, ожидая приказаний. Сделав гречанке знак удалиться, мать опустилась на низкий пуф и заговорила по-гречески, как делала всегда, когда не хотела, чтобы африканские невольницы ее поняли.

– Валерия, девочка, ты стала совсем взрослой. Пришло время поклониться Великой Темной Матери. Сегодня ночью я приду за тобой.

Не прекращая перебирать драгоценности, Мессалина надула пухлые губы и упрямо мотнула головой, глянув исподлобья на мать.

– Не буду никому поклоняться! – дерзко откликнулась она. – Я и сама не хуже богини. Пусть мне, богоподобной, поклоняются!

Балованный ребенок, дочь сенатора Мессалы ни в чем не знала отказа. Обожавший ее отец частенько брал дочку на пиры и увеселения, и Валерии нравилось, что убеленные сединами сенаторы смотрят на нее, как на женщину. Даже Калигула несколько раз щипнул Мессалину за щеку, выказав восхищение ее расцветающей красотой. Но свои успехи девушка приписывала целиком и полностью себе, считая мать помешанной колдуньей и ничего, кроме раздражения, не испытывая к этой чужой, надменной женщине.

Москва, 199... год

Несколько часов ушло на дорогу до отеля и размещение гостей в номерах, после чего я попробовала выполнить свое обещание и раздобыть лунный гребень. В самом центре Москвы, на набережной, затерялся среди чахлах столичных кустов приземистый двухэтажный дом из красного кирпича. Медная табличка на его дубовых дверях утвердила меня в мысли, что я приехала туда, куда нужно. Кабинет руководства музея располагался на втором этаже, в самом конце недавно отремонтированного коридора. Об этом сообщила пожилая кассирша в круглом окошке кассы, неприветливо насупившаяся, лишь только услышала вопрос о директоре и поняла, что деньги за билет я платить не собираюсь.

– Доридзе там, – махнула она рукой куда-то вверх.

Стоявший на вахте старик поправил фуражку и шагнул вперед, заслоняя дверной проем сутулыми плечами.

– А где находится экспозиция, посвященная Александре Коллонтай? – уточнила я.

– Все-таки будете смотреть экспонаты? Тогда платите за билет!

В голосе вахтера звучало торжество и даже злорадство. Чтобы не огорчать пожилого человека ненужным упрямством, я купила билет, на законных основаниях прошла мимо бдительного сторожа и устремилась сквозь анфиладу залов к лестнице, ведущей на второй этаж. На каждом этаже дежурил милиционер при кобуре и рации. На пути попадались одинокие любопытствующие иностранцы с увесистыми «Кодаками» на шее и группки скупающих школьников, без интереса внимающих занудным экскурсоводам.

Когда-то давно и я побывала здесь со школой на экскурсии. Помню, мне очень понравилось здание. Обойдя половину залов вместе с ребятами, я в конце концов отбилась от класса и бродила по коридорам, рассматривая высоченные потолки с лепниной, богатые бронзовые люстры с хрустальными подвесками, добротные дубовые двери, ручки которых горели начищенной медью. И все это великолепие никак не могло уложиться у меня в голове рядом с образами пламенных революционеров – людей аскетичных и жертвенных, как их преподносил экскурсовод. Кто-то лгал – то ли экскурсовод, то ли здание. Несоответствие увиденного и услышанного рождало, как теперь принято говорить, когнитивный диссонанс. А вместе с ним – еще один модный термин из лексикона психологов – и фрустрацию. После той единственной экскурсии я больше в музей не заглядывала, боясь опять пережить неприятное чувство, будто тебя водят за нос.

Серую вязаную кофту, скрывающую полное тело, и взъерошенные волосы, точно пожухлая трава лесное озеро обрамлявшие лысину, я заметила в последнем зале как раз рядом с дежурным милиционером. Если не считать меня, то этот господин был там единственным посетителем. Я прошла через зал мимо смотрительницы, по многолетней профессиональной привычке дремавшей с открытыми глазами на стуле у дверей.

Приблизившись к посетителю, я ощутила сильный запах, какой бывает в старых подвортнях, и увидела, что плешивый толстяк делает зарисовки с придвинутой к стене витрины. Перьевая ручка проворно порхала по прикрепленному к планшету листу бумаги, и, увлеченный работой, казалось, он не замечает ничего вокруг. Но впечатление было обманчивым.

Как только я поравнялась с его серой вязаной спиной, мужчина обернулся и, качнув многочисленными подбородками, впился в меня пытливым щелочек-глаз. Я улыбнулась и сделала успокаивающий жест рукой, давая понять, что мешать не стану. Но мне не поверили, продолжая сверлить подозрительным взглядом. Так, смущая толстяка, я подошла к кабинету директора. Постучала в косяк рядом с надписью «Доридзе Ия Спиридоновна» и, услышав приглушенное «войдите», толкнула дверь. Директором музея оказалась стриженная под мальчика прямая старуха с суровым блеском выпученных глаз.

– Добрый день, Ия Спиридоновна, – шагнула я на вытертый ковер.

– Добрый, – резко откликнулась она. – Чем могу?

– Ия Спиридоновна, – доверительно начала я, – тут вот какое дело. Я арт-директор ночного клуба «Эротика». Меня зовут Елена Левина.

– Приятно познакомиться, – криво усмехнулась усохшая, как саксаул, Доридзе, хотя по тону было понятно, что как раз таки наоборот. Это был тревожный знак, но отступать было поздно, и я, стараясь казаться учтивой, продолжила попытку навести мосты.

– К нам на гастроли приехала известная американская актриса, сыгравшая в кино Мессалину. И в аэропорту у нее украли сумку, в которой была копия лунного гребня жены императора Клавдия. Я имею в виду тот гребень, что до середины этого века принадлежал Александре Коллонтай. Нельзя ли на время выступления позаимствовать оригинал из коллекции музея? Наш клуб вас щедро отблагодарит...

По мере того как я говорила, рабы глаза собеседницы темнели, и в них пробежали грозные всполохи. А когда я обмолвилась о деньгах, старуха рывком поднялась из-за стола и широким жестом указала на дверь.

– Вон отсюда! – чеканя согласные, выкрикнула она. – Привыкли все мерить деньгами! Совсем вы, нувориши, обнаглели! Даже из революционных святынь готовы сделать атрибуты порнографии!

– Госпожа Доридзе, вы ошибаетесь, – попыталась я остановить возмущенный монолог, но только окончательно испортила все дело.

– Я вам не госпожа, с господами в семнадцатом покончили! – перебила старуха, багровея. – Этот гребень прошел с Александрой Михайловной через ад революции! Служил ей памятью о друге детства до самой ее смерти! И, смею вас уверить, вовсе не для того, чтобы свора извращенцев закатывала над святыней дикие оргии!

На шум заглянул заинтригованный толстяк, держа в руках наброски, да так и застыл в дверном проеме, с интересом слушая нашу беседу. В кабинете явственно запахло кошками, и гнев директрисы тут же обрушился на его плешистую голову:

– А вы, Цацкель, что ходите вокруг экспозиции? Все ищете, чем бы поживиться? Светлана Михайловна! Кто впустил Цацкеля в выставочный зал?

Прибежавшая на крик смотрительница растерянно моргала сонными глазами и лопотала:

– Но, Ия Спиридоновна, Николай Аронович сказал, что его прислал Звягин из архива...

– Николай Аронович вам наврал! Он уволен еще на прошлой неделе! И все рыщет по музею, все вынюхивает и высматривает!

– Насчет меня вы заблуждаетесь, – насупился толстяк. – Вы знаете, Ия Спиридоновна, что я ученый. Имею степень доктора исторических наук. Работаю над изучением энергетических особенностей артефактов, принадлежавших видным революционерам.

– Да бросьте, Цацкель! Вы не ученый, вы шарлатан! Это же надо! Экстрасенс Ник Цацкель! Видела я на развалах ваши книжечки про биополя! Редкая чушь и гадость!

– Помилуйте, отчего же гадость? – Ноздри доктора наук шумно раздувались, в глазах застыла горькая обида.

– Именно гадость! Антинаучный бред! Идите туда, откуда пришли! И эту мадам с собой забирайте! Экстрасенс и сводня – ничего не скажешь, достойные дети нынешнего безвременья!

Я все еще стояла у дверей, надеясь договориться, но директор музея, пугая смотрительницу, крикнула еще громче:

– Вы, оба! Немедленно покиньте мой кабинет! Мне что, позвать сержанта?

Не дожидаясь вызова сержанта, я вышла и прикрыла за собой дверь, задев плечом неловко пятящегося Цацкеля. К моему удивлению, Николай Аронович улыбался и, подмигивая, протягивал мне руку для рукопожатия. Полы серой кофты, разъехавшись, открыли растянутую ширинку, и я усомнилась в его душевном здоровье. Протянутую руку я демонстративно проигнорировала – меня ждали дела гораздо более важные, чем знакомство с умалишенным сотрудником музея, разжалованным из-за пристрастия к экстрасенсорике.

Рим, I век н. э.

Ущербная луна вошла над Капитолийским холмом. На истомленный дневным зноем Рим опустилась ночная прохлада. Мириады звезд смотрели с черного бархатного неба на идущую через пышный сад сенатора Мессалы одинокую женщину в черном. Низко надвинутый капюшон богатого плаща полностью скрывал ее лицо, давая, однако, понять, что путница не из простых. Следом за благородной римлянкой на кожаном ремешке покорно бежала черная сука. Женщина миновала апельсиновую рощу и выскользнула в потайную калитку.

Лунный свет делил улицу на две части, и на освещенных зданиях можно было прочесть: «Музыкальная академия», «Общественная хлебопекарня», «Аптека», «Таможня» и много чего

еще, вплоть до объявлений о предстоящих гладиаторских боях. Но спешащая по темной стороне улицы римлянка не читала вывесок. Тьма поглотила ее, сделав практически невидимой, а легкие шаги утопали в шуме ветра.

Женищина дошла до ворот, ведущих к Дороге гробниц, и у перекрестка трех дорог свернула к заброшенной каменоломне. Обогнув поросшие травой булыжники, грудой наваленные у подножия горы, нырнула в незаметный стороннему наблюдателю низкий лаз. Двигаясь ощупью, она уверенно шла по узким тоннелям, как будто могла видеть в темноте, время от времени сворачивая в нужную сторону в лабиринте беспорядочных шахт. Задевая путницу крыльями, с громким писком мимо проносились летучие мыши, гроздьями висевшие на потолке тоннеля и срывавшиеся оттуда при ее появлении, но женищина, не останавливаясь, продолжала свой путь.

Целью ее путешествия стала просторная пещера. Оказавшись под холодными сырими сводами и словно почуяв недоброе, сука, все это время покладисто бежавшая позади, протяжно завывала, упираясь всеми четырьмя лапами и не желая идти дальше. Втащив гончую в пещеру, женищина схватила визжащее животное за шкуру и подвесила на вбитый в камень крюк, чтобы освободить руки и чиркнуть огнем. Огонь осветил тонкое лицо Домиции Лепиды. Плашущие языки пламени выхватили из темноты возвышающуюся до самого свода пещеры статую трехликой богини. Вырезанные из темного камня лица Гекаты смотрели в разные стороны и видели то, что простому смертному не дано лицезреть.

Многорукий мраморный идол в одной из своих рук держал масляный светильник, который и зажгла пришедшая в свое личное тайное святилище патрицианка. В другой руке Богиня Тьмы сжимала три кнута власти, при помощи которых она управляет человечеством, временем и пространством. Еще одна рука Великой Темной Матери взметнула над головой кинжал, угрожая покарать непокорных. На запястье опущенной вниз четвертой руки висел на каменном инурке ключ от всех дверей, включая вход в этот мир, а также дверь в преисподнюю. У ног Гекаты теснилась стая мраморных псов, верных спутников повелительницы ночи. Сова сидела на ее плече, глядя в прошлое, настоящее и будущее, видя все и все зная.

В неверном свете масляной горелки, отбрасывающей на бугристые стены колеблющиеся тени, матрона Лепида приблизилась к медному жертвеннику на витых змеях, приплюснутые головы которых поддерживали великолепный треножник тонкой дельфийской работы, и подпалила угли. Под сводами пещеры поплыл пьянящий дымок, которым чадили травы Трехликой. В укромной нише покоились ритуальные принадлежности, и благородная матрона с величайшей осторожностью один за другим перенесла сакральные предметы на затканый таинственными символами алтарь. Разложила старинные папирусы с заклинаниями, плеснула в серебряную чашу красного вина.

Выложив угощение для богини – медовые лепешки и еще теплые сердечки черных куриц, жрица Великой Темной Матери пристроила напротив себя тряпичную куколку, символизирующую Мессалину. Затем скинула плащ, шелковую столу¹² и, трепетными руками взяв сосуд с маслом Гекаты, принялась умащать им нагое стройное тело. Время от времени женищина бросала осторожные взгляды на колеблющиеся в свете факела лица Гекаты. Выражение на них менялось, становилось то печальным, то неумолимым и злым. Три пары бровей извращения хмурились, трое губ недовольно кривились, шесть горящих глаз метали молнии.

Понимая, что виновата и богиня справедливо гневается на нее, Домиция Лепида старалась побыстрее покончить с привычным ритуалом, обычно приносящим удовольствие, теперь же вселяющим страх. Вскоре жрица почувствовала, что воспарила под сводами пещеры. Купаясь в струях ночного воздуха, поплыла по узкому тоннелю каменоломни. Обгоняя летучих мышей, выпорхнула на волю и устремилась к круглому диску полной луны.

¹² Длиннополая туника без рукавов и с поясом, в которой ходили благородные матроны.

Раскинув руки, Лепида парила в залитом звездным светом небе, и лунный гребень сиял у нее в волосах на манер рогов. На умащенном маслами лице патрицианки плясали блики, и оно напоминало железную маску, посеребренную лучами луны. Стрекот цикад оглашал ночную тишину, крик совы давал знак, что богиня где-то рядом. Счастье переполняло жену сенатора Мессалы. Женищине хотелось обнять весь мир и так, в ладонях, унести его с собой в заоблачные дали, к Великой Темной Матери, через полет дарующей ей ощущение безграничной свободы.

Сколько прошло времени, патрицианка не знала. Минуты растягивались в часы, часы сжимались в минуты. Сова крикнула в последний раз и замолкла. Это был знак, что пора возвращаться. После купания в лунном потоке кожа матроны светилась мертвенным светом, и, влетев в узкий лаз пещеры, Лепида видела все вокруг особенно четко, как днем. Прodelав обратный путь по запутанному лабиринту шахт, патрицианка в какой-то момент ощутила под босыми ступнями влажную каменистую почву. Чувствуя себя обновленной, взяла с жертвенного алтаря кинжал, занеся над отчаянно завизжавшей и норовящей сорваться с крюка сукой.

– О, тройная форма тьмы! – глухо заговорила жрица Трехликой, точным ударом трехгранного лезвия вспарывая собачье брюхо и внимательно наблюдая, каким именно образом расположены в чреве плоды. – Мрачное великолешие! Твоя луна не подвластна взору человека! Приди, адская, земная, небесная Геката, богиня широких дорог, перекрестков, ты, которая ездит туда и сюда ночью с факелом в руке, враг дня. Друг и возлюбленная тьмы, ты, которая радуется, когда суки воют и льется теплая кровь, ты, которая бродишь среди призраков и могил, ты, которая удовлетворяешь жажду крови, ты, которая вызываешь страх в смертных душах детей, Горго, Мормо, Луна, в тысяче видов, брось свой милостивый взор на мое жертвоприношение!

Под протяжные завывания умирающей гончей жертвенная кровь стекала в чашу с вином, и Лепида, подставляя руку под теплый животный поток, сладострастно умащала ею лицо и тело.

– О, кровавогрудая, предельно жестокая и предельно заботливая! Я пролью свет огня, и твои дикие легионы станут повиноваться мне, и твои лемуры¹³ с вывернутыми назад лицами соберутся и вскружатся, обнимая меня в унылой погребальной земле, мой лик отворотив! Я исполню до конца ужасное поклонение. О прославленный Страх на Земле, и Страх под Землей, и Черный Страх за пределами Судьбы! Я слышу завывания твоих волков! Я слышу вой гончих псов вокруг твоих очертаний, что приходят в ужасе твоей бури! Тебя, тебя зову! О ужас внушающая! О Богиня! Я – смертная, знающая твою загробную усыпальницу, разливающуюся темным потоком крови сонной и принужденной реки. При взгляде глаз твоих на меня я – насквозь в захлестывающем чувстве твоего всемогущества, которое всегда хранит мою душу! До, ут дэс!¹⁴

Когда сука затихла, жрица Гекаты кинула собачий труп в огонь жаровни и озадаченно склонилась над внутренностями, завершая обряд жертвоприношения ритуальным гаданием. Великая Темная Мать, у которой патрицианка просила совета, была к ней милостива и в то же время жестока. Судя по выпавшей комбинации потрохов, богиня говорила, что пришла пора отказаться от собственных женских чар, неотразимо действующих на мужчин из-за обладания гребнем и буллой, и полностью раствориться в выросшей дочери, которая вступает в предначертанную ей полосу величия. Повелительница Тьмы считала необходимым

¹³ Лемуры – в верованиях древних римлян злые мертвецы, духи людей, при жизни совершивших преступление и не упокоившиеся после смерти.

¹⁴ Даю, чтобы и ты мне дала! (лат.)

дать Мессалине свою опеку, несмотря на то что та об этом и не просила. Черная Богиня не оставляет своих дочерей, даже если бунтарки от нее отрекаются.

Стряхнув оцепенение, матрона Лепида обернулась к жертвеннику и не поверила увиденному. На тряпичной кукле, изображавшей Мессалину, поблескивала золотая булла-химера и серебрился лунный гребень, только что красовавшийся на голове самой Лепиды. Стараясь, чтобы руки не слишком дрожали, женищина окунула в ритуальную чашу куколку-Мессалину и, намочив ее в жертвенной крови вперемежку с вином, отпила за дочь положенные три глотка. Затем трижды причастилась за себя, а остальное оставила богине.

Покончив с глобальными вопросами, адептка темных сил перешла к делам повседневным. Достала из ниши две свинцовые бляшки, коих хранилось в тайнике в достаточном количестве, и, читая по свиткам положенные к такому случаю заклинания, нацарапала на податливом мягком свинце алмазным стилосом имена своих недругов. Завтра! Уже завтра Геката призовет в царство мертвых болтливую сплетницу Юлию Паламбу и жадного до золотых монет конюха Глузурина.

Москва, 199... год

Элька ждала меня у теннисного клуба на «Парке культуры». Дочь сидела на расчищенной от снега скамеечке у входа в недавно отстроенный спорткомплекс и болтала с Денисом Макаровым. Между ребятами лежали ракетки в ярких чехлах, а у ног, прямо на снегу, стояли спортивные сумки. Из-под белой пушистой Элькиной шапочки выбивались длинные локоны, посеребренные снежинками, ямочки на щеках смеялись вместе с улыбочивым ртом. Лица ребят раздумянились от мороза, глаза горели взаимным интересом.

Элькин сокурсник мне нравится. Этот мальчик из хорошей семьи давно засматривается на мою дочь, и я не имею ничего против их отношений. Элька стесняется разговаривать со мной на интимные темы, считая подобные разговоры неприличными. Я тоже не форсирую событий, стараясь не спугнуть ее юную романтическую влюбленность. Главное, что у меня все под контролем, я слежу за каждым ее шагом, а значит, моя девочка в безопасности. Дочь не повторит мою судьбу, уж я приложу для этого все усилия. Приблизившись к скамейке, я звякнула ключами и кивнула в сторону машины.

– Привет-привет! Ну что, поехали? Дениска, тебя подвезти?

– Спасибо, тетя Лен, – смутился парень, – за мной шофер отца подъедет.

– Передавай привет родителям, – махнула я рукой, подхватывая Элькину ракетку и устремляясь к машине. – Элька, догоняй!

На ребят я специально не оглядывалась – пусть простятся так, как им хочется. Хоть день сегодня и не задался, вечер оказался не так уж плох. Мороженое в кафе мне показалось особенно вкусным. И, кроме того, мы купили массу замечательных подарков. На Арбате в «Парфюмерии» в преддверии Нового года «выбросили» мужской одеколон «Богарт», и Элька, тряхнув кошельком, купила целых три флакона.

– Откуда такие деньжищи? – не сдержала я изумленного возгласа, вместе с дочерью выбираясь из галдящей и орущей очереди.

– Накопила, – зарделась Элька. – Ты мне сама давала каждый день на обеды. Я половину проедала, а остальное откладывала.

– А зачем нам три штуки парфюма? – не переставала допытываться я.

– Один – Роме, второй – Денису. Ну, а третий – твоему Игорьку.

Я кинула на Эльку быстрый взгляд, прикидывая, может, рассказать ей всю правду?

– Мамуль, вы бы уж поженились, – продолжала дочь. – Я же не маленькая, понимаю, что Игорек раньше из-за меня не хотел с тобой жить. Кому нужен чужой ребенок? А теперь я выросла, могу обходиться сама, и ты можешь спокойно устраивать свою судьбу.

– Спасибо, родная, – только и смогла выдавить из себя я, забирая из рук Эльки настойчиво протягиваемый мне флакон в серо-зеленой коробочке.

– А для наших бабуль я купила книги, – возбужденно щебетала Элька. – Трехтомник Мережковского и сборник Цветаевой. Я знаю, бабушка Катя будет рада стихам, она так любит Цветаеву! А бабушка Соня всегда хотела иметь трилогию «Христос и Антихрист».

Мережковский – это хорошо. Я и сама не прочь перечитать его увлекательные романы. Только вряд ли они мне помогут набраться храбрости и выложить дочери, что с Игорьком я больше не общаюсь. Так и не решившись рассказать об истинном положении дел, я усадила Эльку в машину и повезла домой.

Дома нас ждал сюрприз – Роман вернулся из Барселоны. Когда мы с дочерью открыли дверь квартиры, в лицо пахло жареным мясом, свежесваренным кофе и маминым фирменным яблочным пирогом. Дядя сидел на кухне и, как добрый Санта-Клаус, доставал из большой дорожной сумки подарки и раздавал их родне.

Перед бабушкой лежал японский массажер последнего поколения, идеально приспособленный для того, чтобы разминать ее больные суставы. Мама щеголяла в расшитой люрексом фиолетовой кофте с рукавами «летучая мышь», а на столе возвышалась огромная распакованная коробка с сервизом на двенадцать персон.

– О-о, вот и наши девочки! – радостно загудел Роман, поднимаясь со стула и распахивая объятия. Высокий и статный, мой знаменитый дядька больше всего походил не на пианиста, а на атлета. Широкая грудь, мускулистые руки, открытое лицо и добрые глаза его излучали спокойствие и силу, и в присутствии Романа я чувствовала себя на редкость защищенной, чего не случалось ни с одним из моих мужчин. Элька завизжала и бросилась ему на шею.

– Дядечка Ромочка! – кричала она, покрывая поцелуями его гладко выбритые щеки, жесткий рот и пахнущую диоровской свежестью шею. – Как я по тебе скучала!

Что правда, то правда. Мы все по нему скучали. Мамин брат заменил отца сначала мне, затем Эльке. И все наше бабье царство, как дядька шутиливо нас называет, точно знает, что ближе и роднее его у нас никого нет. Наши мужчины нас всех когда-то предали, предпочтя вольную жизнь семейному счастью. Меня, маму, бабушку. Всех нас по тем или иным причинам оставили мужья. И только дядя Рома всегда был рядом, подставляя крепкое плечо в тяжелых ситуациях.

– Тихо, Элечка, ты меня задушишь, – смеялся он, деликатно отстраняясь от разошедшейся девчонки. – Смотри лучше, что я тебе привез!

Он отцепил Элькины руки от своей шеи, вынул из сумки красную коробку размером с небольшой саквояж и протянул моей девочке.

– Что это? – восхищенно выдохнула Элька.

– Косметика, – рассмеялся дядя, видя неподдельный восторг в ее глазах. – Итальянской фирмы «Пупа».

– Ух ты-ы! – мартовской кошкой взвыла дочь и умчалась к себе потрошить чемоданчик.

– Балуеть ты нас, – покачала головой бабушка.

– Да ладно, мам, – отмахнулся Роман. – Кого же мне баловать, как не вас? А для Лены вот что.

Он вытащил из сумки японский видеоманитофон и протянул мне. У меня перехватило дыхание. Настоящий «Панасоник»! О таком я могла только мечтать! Моя старенькая «Электроника-312» безудержно барахлила, и, продолжая покупать на развалах видеокассеты с заинтересовавшими меня фильмами, я уже отчаялась их когда-нибудь посмотреть.

– Вот это да, – только и смогла вымолвить я. – Спасибо тебе огромное!

Я поцеловала дядю в седеющий висок и отправилась в свою комнату подключать аппаратуру. А подключив, поставила «Красотку» с Джулией Робертс, завалилась на кровать и решила больше никуда с нее не двигаться. Но предсказуемая мелодрама быстро надоела, и я подумала,

что лучше посмотреть боевичок. «Крепкий орешек» с Брюсом Уиллисом был бы в самый раз. Всегда приятно увидеть своими глазами, как человек спасает мир.

Желая достать предыдущую кассету, я нажала на кнопку «эджект», но она почему-то не сработала. Кассета крепко сидела в щели кассетоприемника, и я начала извлекать ее при помощи маникюрных ножниц. Далеко не с первого раза мне удалось подцепить черный пластик за гладкий бок и выволить «Красотку» из западни. Чтобы не огорчать Романа, я решила ему ничего не говорить, а при случае отнести аппарат в ремонт.

Если посмотреть кино не удалось, значит, лучше пораньше лечь спать. Я улеглась в кровать и с головой накрылась одеялом. Но заснуть не получалось. Мысли одна тревожнее другой не давали покоя. Пять минут общения с Ией Спиридоновой ясно показали, что нет никого упрямее старых большевиков, и директриса музея может дрогнуть лишь перед несгибаемым авторитетом. А кто для нее авторитет? Видный партийный функционер. Или деятель культуры.

Я выглянула в коридор и, увидев, что дверь дядиной комнаты приоткрыта, направилась к нему. Значит, Роман не спит, и вполне допустимо его побеспокоить. Мамин брат лежал на разложенном диване и просматривал газеты, скопившиеся в его отсутствие.

– Можно? – заглянула я.

– Лен, заходи, – оживился он, откладывая шуршащую газету.

Я прошла к дивану и, поправив плед, уселась в дядиных ногах.

– Ром, вы все еще дружите с Кульбицким или уже разругались?

– Со школьных лет вроде бы не ссорились.

В голосе родственника явственно сквозило недоумение. И я перешла к вопросу, волновавшему меня больше всего:

– Как думаешь, он имеет влияние на революционеров старой закалки?

– Ленка, ты что же, задумала примкнуть к рядам большевиков и тебе для этого требуется поддержка чиновника от культуры?

– Скажешь тоже, – отмахнулась я. – Я сегодня была в музее Революционной истории и имела неприятный разговор с директрисой. Ужасная тетка. Матерая революционерка из идейных.

– А что тебя к ней занесло? – округлил глаза Роман.

Я встала посмотреть, не слышит ли нас Элька, и, убедившись, что дочь у себя, шепотом принялась объяснять, для краткости опуская детали:

– У одной актрисы в нашем ночном клубе украли инвентарь. Такой, знаешь, экзотический гребень, без которого стриптизерша отказывается выступать. Точно такой же есть в музее, но директриса Доридзе Ия Спиридоновна легла костями, но гребень напрокат не дала. Я уж и денег ей предлагала, и так просила – старуха ни в какую. Вот если бы твой чиновник позвонил директрисе и попросил бы ее от лица Минкульта дать экспонат напрокат, тогда бастионы бы дрогнули, и гребень на пару дней оказался в «Эротике».

– Ну да, конечно! – В усталых глазах Романа плясали веселые огоньки. – Ведь стриптиз-клуб некоторым образом тоже культура, так что никакого противоречия тут нет.

– Как правильно ты все понимаешь! – подхватила я. – Стриптизерша перестала бы капризничать и согласилась выступить, и меня не взгребли бы по первое число.

– Для Константина стараешься? – Он понимающе взглянул на меня, протягивая руку к телефонному аппарату, стоящему на журнальном столике.

– И для него тоже, – глядя, как палец дяди быстро набирает хорошо знакомый номер, кивнула я.

– Ген, приветствую, – заговорил Рома в трубку. – Как дела? Вот и отлично. Спасибо, у меня тоже. Слушай, старик, к тебе есть дело. Музей Революционной истории твоя епархия? Я так и подумал. Да Ленка устраивает шоу, и ей необходим на пару дней один из музейных

экспонатов. Не можешь посодействовать? Да, всего на два дня. Ну, разумеется, под мою ответственность. Вот спасибо, Геннадий Сергеевич! Я твой должник.

Дядя раскрутил свернувшийся спиралью шнур, пристроил трубку на корпус аппарата и обернулся ко мне:

– Вот так-то, Леночка. Завтра можешь смело идти на прием к революционной старухе. Ей позвонят и попросят не чинить препятствий во внедрении культуры в массы.

Я запечатлела пылкий поцелуй на его горбатом носу и направилась к выходу из комнаты, попутно сыграв на раскрытом рояле вступительные аккорды к первому концерту Рахманинова.

Рим, I век н. э.

Едва солнце окрасило розовым стены домов и позолотило крыши храмов, матрона Лепида вошла в опочивальню дочери и, надев на нежную шейку Мессалины золотую цепь с покачивающейся на ней химерой, положила на низкий столик лунный гребень.

– Наконец-то, – с удовлетворением проговорила Валерия, холодно глядя на мать. – Я всегда считала, что ты должна отдать эти вещицы мне.

– Да, девочка, – через силу улыбнулась патрицианка. – Пришло время тебе повзрослеть. Ты стала невестой, и я хочу, чтобы твой будущий избранник увидел тебя в семейных реликвиях. Оставлю тебя ненадолго, а вечером мы поедем в театр. Дают «Касину» Плавта. Представление почтит своим присутствием сам император. Клянусь Гекатой, Калигула должен остаться доволен.

Расчет Домиции Лепиды был прост – почаще показывать Калигуле великолепную Валерию, и при виде ее юной прелести сердце императора не сможет не дрогнуть. Правда, у цезаря уже имелся кумир – покойная сестра Юлия Друзилла, которую Калигула лишил невинности еще подростком. Выдав Друзиллу замуж, император вскоре отнял сестру у мужа и жил с ней, как с законной супругой, несмотря на то что был уже женат. Когда же возлюбленная сестрица его сошла к Танатосу, цезарь установил суровый траур, считая смертным преступлением смеяться, купаться, обедать с родителями, женой или детьми. С тех пор все клятвы Гай Калигула приносил исключительно именем божественной Друзиллы. И даже дочь свою назвал именно так.

Жена же императора – Цезония, немолодая некрасивая матрона, уже родившая четверых детей, трое из которых были от первого мужа, имела над Калигулой весьма условную власть, и, по мнению Домиции Лепиды, занять ее место Мессалине ничего не стоило. Оставалось лишь доделать начатое этой ночью, передав во власть Великой Темной Матери своих недругов, и можно было вплотную заняться подготовкой дочери к ее будущему триумфу.

Храм богини Весты, круглый, белоснежный, с толосой, то есть куполом, был окружен двенадцатью коринфскими колоннами и располагался на римском форуме, в южной части Священной дороги. Вместе с домом весталок он составлял единый комплекс, соединенный с Регией, резиденцией Великого понтифика. Туда, как в тайное святилище домашнего очага, могли входить одни лишь женицины.

Прислуживали в храме шесть жриц, коих готовили с раннего детства. Среди лучших девочек из знатных семей, не запятнавших себя темным прошлым, отбирали малюток без физических изъянов и десять лет обучали искусству быть весталкой. Затем десять лет жрица прислуживала богине, а после еще одно десятилетие готовила замену, обучая будущую весталку своему искусству.

Главной задачей весталок было поддержание священного огня. Тяжелым преступлением считалось, если храмовая жаровня погаснет. Тогда на весь народ италийцев обрушивалось проклятье богини в виде жесточайших стихийных бедствий. Вина за наводнения, засуху, неурожай винограда падала на нерадивую служительницу культа, и недосмотревшую за огнем

ждала смертная казнь. Вторым по тяжести преступлением являлась утрата весталкой целомудрия, ведь богине-деве требовались и девственные же прислужницы.

На казнь такой распутницы и отправилась Домиция Лепида, чтобы завершить ночной обряд. Собравшаяся на площади толпа волновалась перед храмом, наблюдая, как через главные ворота выносят носилки с согрешившей. Жена сенатора Мессалы пристроилась в начале шествия, уверенная в крепости локтей своих рабов и в ловкости хлыста сопровождавшего надсмотрщика.

Жаждающие зрелища зеваки следом за носилками весталки устремились к валу Тарквиния у Коллинских ворот и остановились лишь на Поле преступников, где зияла свежая погребальная яма. Изнутри могилу выстилал богатый ковер ручной работы, на который уже водрузили ложе под покрывалом. Рядом с ложем виднелся низкий столик, заставленный фруктами, сладостями и кувшинами с вином.

Пока горожане, собравшиеся на площади, во все глаза смотрели на мертвенно-бледное лицо провинившейся в белоснежных одеждах, на общественной лектике ехавшей сквозь толпу к месту казни, Лепида спешила с носилок, пробралась к краю ямы и незаметно выронила в нее обе бляхи с именами своих врагов. Всем известно, что самый короткий путь к Гекате лежит через свежую могилу, и Лепида не сомневалась, что новопреставленная, проходя сквозь двери из этого мира в тот, подберет свинцовые бляшки и непременно передаст послание, уготованное Великой Темной Матери.

Между тем весталку спустили вниз, насильно уложили на ложе и, не дав ей подняться, хотя она и предпринимала отчаянные попытки встать, накрыли сколоченной из досок крышкой. Такой импровизированный гроб полагался каждой жрице богини Весты, наказываемой за прелюбодеяние. Не обращая внимания на пронзительные крики, долетавшие из-под деревянного щита, рабы принялись лопатами проворно швырять в могилу землю, закапывая несчастную живьем. Стоя над свежей могилой, в которой еще теплилась жизнь, Домиция Лепида в который раз удивилась, как зыбка грань между царством мертвых и миром живых.

Потратив день на завершение ночного ритуала, патрицианка ближе к вечеру оделась для театра и, усадив подле себя в носилки дочь, отправилась на представление. Обнаженные до пояса рабы в красных холщовых шароварах слаженно выступали по каменным плитам улицы Источника Изобилия, переходящей в Театральную, и, миновав коллегию, храм Изиды и мастерскую ваятеля, остановились у пышного входа в Одеон¹⁵.

Выбравшись из лектики, обе благородные дамы неспешно проследовали в зал. Получив на входе пластину слоновой кости, заменяющую билет, матрона Лепида окинула придирчивым взором вымощенный мозаикой партер, от которого полукругом, постепенно расширяясь, расходились шлифованные лавки греческого мрамора, поставленные на массивные львиные лапы.

В первом ряду на более широком расстоянии друг от друга выделялись особенно роскошные места, предназначенные для знати. К ним-то жена сенатора Мессалы и повела свою дочь. Там уже виднелись великолепные тоги и широкие белые плащи патрициев, перемежавшиеся богатыми нарядами их жен и дочерей. Несколько следующих рядов занимали всадники, выше серели накидки простолюдинов – они разместились на верхних скамьях у самых колонн, поддерживающих крышу. В проеме колоннады виднелось лазоревое предзакатное небо, а с портика, освежая раскаленный воздух, служащий разбрызгивал мелкий дождь из благовоний.

Следуя мимо знакомых и улыбкой отвечая на приветствия, матрона Лепида прошла вдоль скамьи и достигла своего места, но, обернувшись, увидела, что Мессалина куда-то исчезла. Патрицианка с тревогой оглядела каменные лестницы, бравшие начало от четырех входов и поднимавшиеся до самого верха амфитеатра, и обнаружила строптивницу во всадни-

¹⁵ Комедийный театр.

ческом ряду. Наследница древнего рода Барбатов и Агенобарбов сидела рядом с низкородным соседом Луцием Стратоником. Трибун пятого легиона и дочь сенатора на равных болтали и смеялись, и все, кто был в театре, могли видеть, как благородная дева беззастенчиво заигрывает с женатым воякой.

Но самое ужасное было то, что, как и обещала Домиция Лепида, сам Гай Калигула присутствовал на представлении. Император восседал в окружении сестер и неизменной Цезонии на соседней с патрицианкой скамье и мог в любую минуту заметить нелепую выходку Мессалины. Разве Калигула сможет смотреть на Валерию как на подарок богов, когда негодница так открыто кокетничает с простым солдафоном?

Матрона Лепида рассеянно следила, как на сцене изощрялись актеры в масках с бронзовыми отверстиями ртов. Голоса их, усиленные медными сосудами, умело замаскированными в складках занавеса, гулко разносились по Одеону, но патрицианка не понимала ни слова из того, что говорилось со сцены. Все ее внимание было обращено на всаднический ряд. Мать Мессалины прислушивалась к раскатистому голосу Луция, с наигранной грустью рассказывавшего о внезапной болезни жены, свалившей его любимую Юлию Паламбу этой ночью. Про себя тайная жрица Гекаты молила Великую Темную Мать, чтобы никто, кроме нее, не обратил внимания на вольности их общей дочери.

В этот раз Геката была особенно благосклонна, и император не повернул головы в сторону всаднических скамей. Но с опасными играми надо было кончать. Девчонку следовало унять, и чем скорее, тем лучше. Вернувшись домой, Лепида отпустила носилки и приказала дочери идти к себе. Сама же решительным шагом направилась через двор к лачугам рабов. Кажется, подросший иудей пришелся Валерии по вкусу? Ну что же, тем лучше! Значит, раба нужно задобрить, чтобы потом было легче использовать в собственных целях. Домашняя игрушка, мальчик для утех, Исаак будет жить в потайной комнате, где когда-то обитал любимый раб самой Лепиды.

Ее любимец, юный эллин Порфирий, жил в неге и роскоши до тех пор, пока от безысходности не перегрыз себе жилы. Скандал удалось замять, хотя за подобные шалости в то время замужней матроне грозила смертная казнь. Великий притворщик Тиберий, уединившись на Капри, собрал в своем дворце, заполненном хитроумными приспособлениями для сексуальных наслаждений, все самые красивые и самые уродливые тела империи, устраивая дичайшие оргии и увеселения. А лично для себя создал детский гарем, испытывая порочную страсть к нежным мальчикам и еще не оформившимся девочкам. При этом предшественник Калигулы не делал послаблений ни для кого и карал своих подданных, даже самых высокородных, за малейшее нарушение нравственности. Доносчики Тиберия инырjali по Риму и собирали слухи о том, что происходит за высокими заборами патрицианских особняков, в надежде выслужиться, ибо Тиберий, опасавшийся заговоров против его светлейшей особы, щедро оплачивал подобные услуги. Одного неосторожно оброненного слугами слова хватило бы, чтобы с Домиции Лепиды живьем содрали кожу.

Благодаря заступничеству Гекаты в тот раз все, к счастью, обошлось, но большие заводить любимцев в стенах семейного гнезда патрицианка не решалась. Но теперь, когда о правлении кровавого тирана напоминали лишь развалины каприйского дворца, патрициис вздохнули свободно. Калигула требовал от своих приближенных соблюдения только внешних приличий, да и то лишь в тех случаях, когда придворные не принимали участия в императорских пирах. А то, что творилось в роскошных домах сенаторов, нынешнего цезаря не занимало.

Так пусть к иудею, как когда-то Лепида к своему возлюбленному рабу Порфирию, ночами приходит ее дочь. Вернувшись же из поездки супругу патрицианка скажет, что Исаак провинился, и попросит продать раба за строптивый нрав. И, сделав вид, что продала, посетит в тайной комнате. Но прежде чем лишить Исаака мошонки, оставив только фаллос, нужно понять, устроит ли он свою будущую повелительницу. А вдруг иудей не понравится

Мессалине в постели, и получится, что они напрасно покалечат прекрасного производителя, от которого может получиться выносливое, сильное, а главное – красивое и потому дорогое потомство.

Благородная римлянка прошла через двор, миновала сад и остановилась перед некрашеной дверью лачуги, примыкающей к псарне. Потянув деревянную створку на себя, шагнула через порог и устремила пытливый взгляд на застывшего от неожиданности Исаака. Сидя на нетесаном чурбачке в обществе других рабов, приставленных к гончим, иудей ужинал ржаной лепешкой и сыром, запивая трапезу разбавленным вином.

– Пойдем, – кивнула ему матрона Лепида. – Покажешь новорожденных щенят.

Иудей нехотя поднялся из-за стола и направился следом за хозяйкой. Стоило покинуть лачугу, как Лепида увлекла раба в сторону рощи и тихим голосом заговорила:

– Ты помнишь, откуда ты родом, Исаак?

– Из Иерусалима, – растерянно откликнулся юноша, не понимая, к чему эти расспросы.

– Хочешь вернуться домой?

– О, госпожа. – В ранних сумерках глаза его заблестели, как антрацит. – Если бы это было возможно!

– Ты нравишься моей дочери, – продолжала Лепида. – Если ты сделаешь так, как я тебе велю, клянусь богами, я дарю тебе свободу. Тебе выпала великая честь, иудей. Этой ночью ты должен сделать Валерию женичиной.

– Но, госпожа, разве это правильно? – неуверенно протянул Исаак. – Так нехорошо!

– Раб, ты хочешь вернуться в Иерусалим? – жестко оборвала его хозяйка. И в ответ на утвердительное движение качнувшихся кудрей сердито закончила: – Тогда делай, что тебе велят! Когда все уснут, я приду за тобой. Будь готов. Помойся и приведись в порядок.

Она брезгливо сморщила нос и добавила:

– От тебя воняет.

Глядя на растворяющуюся в темноте фигуру хозяйки, Исаак откинул пятерней с крутого лба черную выющуюся прядь и насмешливо хмыкнул. Мыться в медном тазу было утомительно и долго. Ну что же, раз вам нужен чистый раб, вы его получите. Не мешкая, Исаак устремился вдоль хозяйственных построек к бочке с питьевой водой. Не раздумывая, скинул одежду и, перекинув сильные ноги через скрепленный обручем бортик, погрузился в освежающую влагу.

После дневного зноя это было ни с чем не сравнимое удовольствие, и Исаак блаженствовал, вновь и вновь погружаясь с головой под воду. Выныривая и отфыркиваясь, он прислушивался к вечернему шуму во дворе, в глубине души ожидая, что кто-нибудь из рабов придет с кувшином за водой и застанет его плещущимся в питьевой бочке. Его, несомненно, ждала бы жестокая порка, но зато суровое наказание за тяжкую провинность позволило бы избежать того, о чем говорила хозяйка.

Так никого и не дождавшись, Исаак выбрался из бочки и, натянув холицовую тунику, вернулся в барак. Под недоуменными взглядами других невольников юноша переоделся в свежую одежду и растянулся на соломенном тюфяке в ожидании ночи. Его товарищи по несчастью укладывались спать, когда распахнулась дверь и на пороге появился высокий худой надсмотрщик – вольноотпущенник Дарий, кривой на один глаз. Окинув хмурым взглядом притихших рабов, он жестом указал, чтобы поднимались с соломы и следовали за ним.

– А ты останься, – махнул он Исааку, рванувшемуся вслед за рабами. – Хозяйка велела всех, кроме тебя, отправить на плантацию крокусов в Капуе.

Уставшие люди возбужденно зашумели – работа на цветочных полях считалась наказанием.

– Ничего не знаю, – пресекая недовольство, оборвал их Дарий, угрожающе щелкая хлыстом. – Это приказ госпожи! И пошевеливайтесь, ленивые свиньи!

Рабы покорно облачились в скинутые на ночь хламиды и, следуя один за другим, покинули барак. Последним вышел Дарий, из экономии погасив жаровню. Оставшись в одиночестве, Исаак присел на край лежанки, задумчиво глядя в черноту ночи, просматривающуюся сквозь узкую прорезь окна. Черное небо казалось упавшим на землю и растерявшим все свои звезды. И, погруженный в темноту, юноша внезапно перестал быть рабом.

Он больше не боялся и не сжимался в комок, каждую секунду ожидая обжигающего спину удара хлыста. В голове Исаака всплывали картинки далекого детства. Большой родительский дом в Иерусалиме, просторный двор и сад. И в саду, в беседке под раскидистой смоковницей, старик-отец в кипе посвященного учит маленького Исаака древней иудейской мудрости.

Исаак мысленно увидел прекрасную юную матушку с горящими черными глазами, которая, как девчонка, тормошила любимого сына и бегала с ним наперегонки в перерывах между занятиями, без усталости целовала его в кудрявую макушку, называя своим счастьем. И вдруг, как наяву, Исаак почувствовал аромат горячих лепешек, которыми пахла матушка, и в какой-то момент кончиками пальцев даже ощутил мягкость ткани ее передника. Только бы взглянуть на нее еще раз! Только бы припасть к любимым рукам губами!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.